Воронежско-Липецкая епархия

Задонский паломник

№ 25 2003 г.

По благословению митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

В НОМЕРЕ:

«СЕГОДНЯ НАДОБНО МНЕ БЫТЬ У ТЕБЯ...»
Назидание Его Высокопреосвященства митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия

БУДЬТЕ МУДРЫ ОТ БОГА
Проповедь епископа Задонского Никона

РАЗДЕЛЯВШИЕ РАДОСТИ И СКОРБИ
Из воспоминаний келейников свт. Тихона

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«Утешение в покаянии»

ИСТОРИЯ МОНАСТЫРЯ
Часть 18. «Возрождая порушенное»

О ЭПОХЕ МНОГИХ УДОБСТВ

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с Кавказским пустынником
«Беседа об исповеди»

СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ ЛИПЕЦКОЙ
Священномученик Петр (Зверев)

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ
Заповеди блаженства

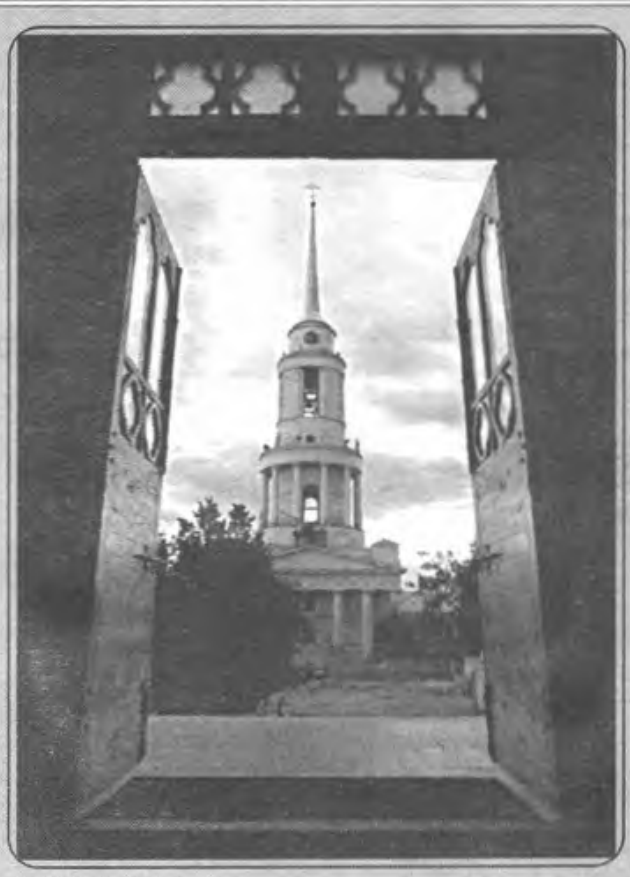
С КРЕСТОМ ЗА ХРИСТОМ
Рассказывают паломники

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

ПО ПИСЬМАМ
«Окуда в нас зло»

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА
«Притча о блудном сыне»

и другое...



Ждет Небесный Отец; ждет, Который Сына Своего ради нас не пощадил, но на смерть предал Его; ждет, да увлажит нас вечным блаженством во Царствии Своем. Чего убо стоим мы? Чего ради не идем?

Святитель Тихон Задонский

"Сегодня надобно Мне быть у тебя..."

Назидание
Его Высокопреосвященства
митрополита Воронежского и Липецкого
МЕФОДИЯ.

Покровский кафедральный собор,
28 января 2001 г.

Наша заботливая Матерь Церковь начинает готовить своих чад к приближающемуся Великому посту задолго до его начала, постепенно вводя каждого в процесс размышления, анализа своей жизни, окружающей действительности, своей роли в этом мире.

Предлагаемые нам евангельские повествования открывают для нас все новые и новые грани и тонкости человеческой души, человеческой природы, как положительные, так и отрицательные. Если в евангельском рассказе говорится о пороках, Святая Церковь учит, как избавиться от них. Если речь идет о положительном примере, она старается утвердить в нашем сознании его необходимость для нас и предлагает доступные средства, позволяющие нам развить в себе то или иное доброе свойство человеческой природы и встать на путь, приближающий нас к совершенствованию и следованию за Господом.

Сегодняшнее чтение из Евангелия рассказывает о Закхее, который был начальником мытарей, то есть сборщиков налогов. Имя Закхей в переводе с сирийского означает праведный, справедливый, но оно не соответствовало жизни этого человека, его действиям, его поступкам. Он взимал подати нечестно и несправедливо. И вот к этому человеку, о котором все знали в том селении, что он правдой и неправдой отбирает последнее у людей, идет Христос.

Некоторые думают: как же так? Мы вот такие добрые (потому что сами себя так оцениваем), почему же Он идет не к нам, а к нему? А Христос говорит в Евангелии — да, он такой человек, но и он сын Авраама, и он достоин спасения. Вспомните жизнь преподобной Марии Египетской. Преодолев себя, отстранив все, что было от мира, только она — и никто другой — перешла Иордан пешком по воде. Вот что может человек с молитвой, с Богом. Бог пришел спасти нуждающегося во спасении: «взыскать и спасти погибшее» (Лк. 19, 10), и наша характеристика каждого (вот «он такой», а «она такая», «оно такое») не совпадает с оценкой Господа. Значит, наш суд неправеден. Значит, наша оценка друг друга предвзятая, человеческая, греховная — несправедлива. Сегодняшнее Евангелие напоминает нам об этом. Не будем спешить давать оценку происходящему, наипаче оценивать жизнь, и труды, и деятельность, и поведение ближнего своего. Никто не знает, как его душа воздыхает к Богу, никто не знает, как он обращается к Нему — с какими словами, молитвами, просьбами. Мы видим только внешнюю сторону жизни каждого из нас.

Святая Церковь, готовя нас к Великому посту — ко времени покаяния, очищения, молитвы, благодарения, кротости, воздержания, на примере Закхея говорит нам, что человек должен посмотреть в глубины своей души, своей жизни, своих дел — и оценить их.

Но каким образом? Где этот критерий? Закхей увидел в Господе свет любви и милосердия, ту истину, к которой стремится душа каждого из нас. И с той святостью, которую явил ему Собой Милосердный Господь, он сопоставил свою жизнь. Она открылась для него во множестве грехов, во множестве несправедливых поступков, и перед ним предстало вдруг все его ничтожество, все недостоинство. И Господь, видя глубину раскаяния этого человека, говорит ему: «Закхей! сойди скорее; ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме» (Лк. 19, 5). Раскаяние приблизило Закхея к Богу, и Господь откликнулся на зов его души, и еще больше, чем думал сам Закхей. Он хотел только видеть Бога, но Господь вошел в его дом. Он вошел в дом его души и освятил это место, и раскаявшийся Закхей сказал: «Господи! половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк. 19, 8), дабы быть с правдой, истиной, со светом — ради чего и стремиться жить надо.

Вот сколько таит в себе внутреннего, духовного смысла прочитанный сегодня отрывок из Евангелия.

Я желаю всем нам, чтобы в преддверии Великого поста мы начали делать те шаги, к которым призывает нас Святая Церковь. Следующая неделя предложит нам уже новое евангельское повествование — как бы новую ступень, ведущую нас ко спасению, и так далее. И, наконец, придет то время, когда Святая Церковь воспоет гимн покаяния, воспоет молитвословия Великого поста. Не останемся внизу, иначе мы с вами не будем знать, как войти в это время покаяния и спасительного очищения, не приобретем навыка духовного, своего собственного, личного опыта, и в который раз будем встречать Воскресение Христово, не освободившись от груза греха, который всю свою жизнь несем в душе и не пытаемся выбросить вон.

Хотелось бы, чтобы мы почувствовали прикосновение к своей душе очистительной благодатной силы Господней, которая раскрыла бы перед нами всю глубину нашей греховности, нашего недостоинства, нашего горделивого превозношения — всего того, что удаляет от Бога, а не приближает к Нему.

Пусть сегодняшнее евангельское повествование станет для нас тем начальным уроком, над которым мы будем размышлять, подобно ученику, получившему задание на дом. Поразмыслим о том, что мы сегодня слышали и каковы мы с вами по сравнению с Закхеем и с другими, кто приближался к Господу, кто стремился прийти к Нему, преодолевая непреодолимое — горы греха. И приблизился к Нему.

Если мы, действительно, желаем этого, осеним себя крестным знамением и, испросив у Господа благословения и помощи, поступим так, как поступил Закхей. Аминь.

Будьте мудры от Бога

Проповедь епископа Задонского Никона, викария Воронежско-Липецкой епархии.
Владимирский собор, 26 января 2003 г.

Священное Писание говорит нам: «Посрамлю премудрость премудрых и разум разумных отвергну». В то же время там есть и такие слова: «Будьте убо мудры, как змеи и просты, как голуби». Почему же в одном месте Господь мудрость посрамляет, а в другом, наоборот – приветствует?

Бог создал нас не для того, чтобы мы имели большие знания. Будь это Ему угодно, Он вложил бы их нам с развитием, и человечеству тогда бы не понадобилось всю жизнь открывать законы природы, установленные Господом, познавать строение людей и животных. Но Господь дал нам именно столько знаний, сколько имеем, чтобы мы всю жизнь совершенствовались и притом имели прямую зависимость от Него. Этот процесс начался еще в Раю. И до сего времени тот, кто живет в Боге, совершенствуется через христианские добродетели: молитву, пост и т.д.

Но это один путь – путь христианина, ведущий в Жизнь Вечную. Есть и другой – тот, который считается современными людьми самым целесообразным: изучить строение человека, познать всю атомную, молекулярную, клеточную систему, чтобы лучше бороться с теми физическими недугами, которыми мы сейчас поражены. Делается как будто бы благое дело. Но ведь Господь посылает нам болезни для исправления, и если с человеком, особенно с христианином, что-то случается, то помните: это совершается единственно Промыслом Божиим для нашего вразумления или какой-то другой спасительной цели.

Мы всеми силами стараемся найти определенные вакцины или препараты, а ведь Господь сказал: «Без Мене не можете творити ничесоже», – т.е. без Меня вы здесь, на земле, не сможете сделать ничего. Но редко кто из ученых людей, добившись какого-нибудь открытия, скажет: «Это Бог мне помог». В основном все, везде и всюду присваивается человеку: «Это **он** достиг, **он** приоткрыл завесу великой тайны»…

Господь дал нам на земле возможность развиваться. Он определил жене: «В муках будешь рождать чада своя». А мужу было сказано: «В поте лица будешь добывать хлеб свой насущный». Но человечество сейчас старается обойти оба этих определения. И вот, дорогие, сейчас, в наш век – век электроники и кибернетики – мы видим, сколько же человек сделал плохого самому себе. Все его открытия, конструкторские способности направлены на изобретение новейшей техники, а она создана нам на погибель: увлекаясь техникой, мы потеряли все, в том числе Бога.

В советское время был такой художественный фильм: в Германии создали роботов-воинов. Они идут цепочкой с автоматами и стреляют, а в середине едет танк с человеком, который манипулирует этими солдатами-роботами. И вдруг что-то там перемкнуло – роботы окружают танк, вытаскивают оттуда человека и душат его. Уничтожили.

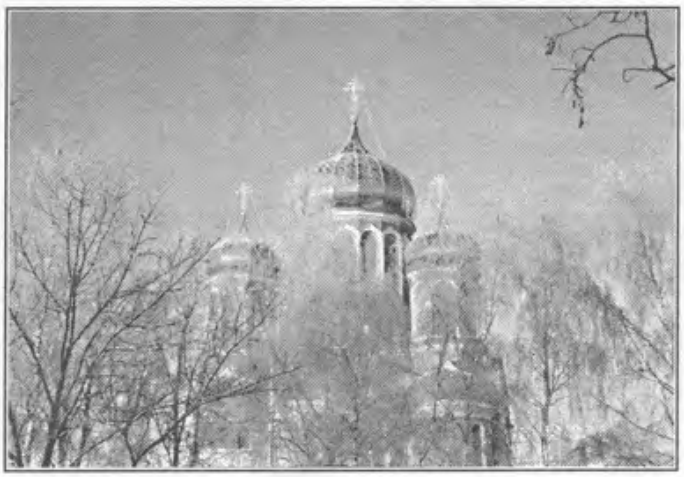
То же происходит и у нас. Вот эта техника, вроде бы нужная, чтобы нам здесь не грустилось, не печалилось, чтобы скрасить нашу жизнь какими-то зрелищными восприятиями, убить наше время (и слово-то какое: «убить»!) – она убивает и нас: все идет к тому, что мы удаляемся от Бога.

Господь нас учит: «Не любите мира, ни яже, что есть в мире». А мы говорим: «Мир наш ненаглядный!» – и не хотим расставаться с ним, любим наслаждаться всеми его прелестями. Вот эти прелести и убивают нас для жизни вечно блаженной.

Мы стараемся быть мудрыми, а Священное Писание нам говорит: «Посрамлю премудрость мудрых и разум разумных отвергну». Те, кто считает себя разумными, смеются над нашей святой Православной верой, над нашими таинствами, христианскими добродетелями: «Век такой цивилизации, а они

тут кладут поклоны, ходят в храм, крестятся, постятся и т.д.!» Многие, почти весь мир смеется над нами. Достигнув определенных знаний, они, конечно, гордятся, что они такие великие – на много голов выше нас. Но эти знания убивают их. Для них все, что мы делаем, является юродством, а для нас – спасением.

Нам не нужны великие знания – нам нужен только один Бог. И Он вразумит, что нам сделать, как поступить, что нужно на потребу – для здоровой духовной и телесной жизни. Господь дал нам Евангелие и заповеди, а через них – общение с Ним. А если мы общаемся с Богом, то приближаемся в таинствах к Царству Небесному.



Но нас увлекает мир. Как мы знаем из народных изречений, «дурной пример заразителен». Многие женщины и девушки сейчас пользуются косметикой. Я говорю:

– Вы и так прекрасно выглядите – зачем вам это нужно?

– Да я не хочу быть «белой вороной». Если я приду без косметики, все будут смеяться и говорить: «У тебя что – плохо с головой? Почему ты такая бледная и не накрашенная?»

Можно привести множество других примеров. Люди уже настолько привыкли к миру, его жизни, к мирским заповедям, что считают: «Да, это ненормально, если я являюсь среди них в другом свете. Тогда они своим поведением, сарказмом, своими словами высмеют, унизят, оскорбят меня. И если вдруг я скажу что-то против, тогда весь поток гнилости обрушится на меня. Я знаю внутренне, что они не правы, но буду улыбаться, хихикать, стараться как-то дать им понять, что я согласна». Сейчас вся жизнь человеческая – в этом греховном подражании. А подражаем мы диаволу. Он стремится увести нас от Бога нашими делами – делами мира сего прелюбодейного. А ведь Господь говорит: «О, роде лукавый и развращенный, доколе Я буду в вас, доколе Я терплю вас?!» Мы думаем: «На чьей стороне мало людей, за теми идти не следует. Где мир, большинство – там истина». А надо слушаться и подражать малым сим, потому что Господь сказал, что с Ним будет малое стадо, а не большое, которое идет в погибель.

«Будьте мудры, как змеи и просты, как голуби», – этим Господь хочет сказать нам, чтобы мы были просты, а мудрость сама придет, если мы будем жить чистой, нравственной, богоугодной жизнью. И недаром великие знатоки и ученые, услышав простые слова от простой старушки, удивляются: «Ведь надо же: в такой простоте находятся такие мудрые мысли!» Это, действительно, так. Поэтому наша жизнь должна быть не в знаниях, не в мудрости мира сего, а в Боге.

Будем, дорогие, помнить и слова апостола Павла, который говорит: «Блюдите, како опасно ходите. Дни сии лукавы суть». Действительно, в связи с техническим прогрессом, в связи с компьютеризацией дни сейчас лукавы. Раньше было пророчество, что земля будет опутана проводами, как паутиной, а сейчас нас оплетают провода невидимые. И так уже опутали, что мы не знаем, что нам предпринять. Пред нами – выбор: или хлеб с диаволом, или смерть со Христом. И так как мы еще не готовы принять смерть, то стараемся всеми способами приобрести хлеб, идя на уступки той системе, которая нам его дает. Дальше – более: эта система постоянно будет нас поглощать, зомбировать, уводить от Бога к себе, собирая в свою житницу, чтобы мы затем вместе с сатаной выступили на последний и решительный бой против Бога. Потому что цель всей деятельности диавольской системы – дать решительный бой Господу Иисусу Христу, победить Его и жить в бесовской радости. Но этого не будет, потому что даже если мы и будем на стороне сатаны, он все равно нас уничтожит, ведь диавол ненавидит Господа, а мы являемся Божиими созданиями.

Господь старается оградить нас от этого мира, раскрыть его пагубность – Он ведет нас по юдоли плача ко спасению. Так будем же, дорогие, помнить: счастье заключено не в изобилии благ земных. Если нет с человеком Бога, то все эти блага, все богатства этого мира нисколько нас не утешат и не дадут никакой радости. Многие к чему-то стремились, желали чего-то достичь, и, когда это случилось, они не нашли удовлетворения желаемым, потому что не искали главного. А главное – нам нужно достигнуть соединения с Богом, принять Его в свое сердце, чтобы Господь был с нами. А Бог есть любовь. И тогда эта любовь всегда будет изливаться из нас на тех, кто общается с нами, кто хочет жить и спасаться. Аминь.

Разделявшие радости и скорби

Из воспоминаний келейников святителя Тихона

Записки В. И. Чеботарева (часть 6)

Скажу о дивном и великодушном его терпении: какие обиды терпел он от начальников монастырских, также и от расстроенных жизнию некоторых монахов, но старался *злое благим побеждать* (ср.: Рим.12,21). Начальник монастыря, выезжая в гости в благородные дома и там подхмелевши, сказывал о его святительской особе: «Он в монастыре хуже монаха живет у меня»; доходили иногда такие слова до Преосвященного, а он, бывало, только и скажет мне: «Возьми сахару голову, отнеси начальнику, или виноградного вина бочонок, или иного чего-нибудь. И скажет: «У него, может быть, и нет сего»[1]. Досаждавшие ему монахи временем делались больными: он раза по два и по три всякий день посещал их, утешал и ободрял своими благоразумными и душеполезными разговорами, также пищею и питием снабдевал. Даже и от прислуги монастырской случалось немало терпеть ему. Иногда прохаживается он по монастырю, а служители монастырские, занимаясь своею работою, смеются вслед Преосвященного; он как бы не слышит ничего, но после скажет: «Богу так угодно, что и служители смеются надо мною; да я же и достоин сего за грехи мои, но еще и мало сего»; однако же улыбнется и скажет: «Ну, долго ли мне обидеть их? Да не только их, но и начальнику я скоро бы отмстил, но не хочу никому мстить, прощение лучше мщения»[2]. Он и служителям сим много делал благотворения: помогал им хлебом, деньгами и прочим. Вот чем отмщал он оскорбления и обиды свои, по апостольскому слову: *Аще алчет враг твой, ухлеби его; аще ли жаждет, напой его* (Рим. 12,20); он точно исполнял сие.

Неоднократно покушался[3] он выехать из Задонского монастыря в Новгородскую епархию, для чего и написал просьбу куда следует. В одно время был я за монастырскими воротами; туда же вышел и монах Аарон. Я и сказал ему, что Преосвященный наш положил непременное намерение выехать отсюда в Новгородскую епархию; а отец Аарон на сие сказал мне: «Что он беснуется? Матерь Божия не велит ему выезжать отсюда». Монаха Аарона Преосвященный весьма почитал за строгую, подвижническую жизнь. После я сказал Преосвященному, что говорил отец Аарон, а Преосвященный спросил меня: «Точно ли говорил отец Аарон такие слова?» Я сказал, что точно говорил. «Ну, так я же и не поеду отсюда», – сказал Преосвященный; взял просьбу и разодрал. Он часто говаривал: «Я непременно выехал бы отсюда, но жалко мне город Елец оставить: я весьма люблю елецких жителей и замечаю, что в нем много благодетельных людей, и будто бы я родился в нем». Особенно благоволил он к дому елецкого купца Григория Феодоровича Ростовцева, который был муж воздержный и набожный. Преосвященный нередко говаривал о доме его точными словами: «Нам, чернецам, надобно учиться добродетельной жизни из дому Григория Феодоровича Ростовцева».

У Григория Феодоровича было два сына, Димитрий и Михаил, кои безбрачную жизнь провождали. Димитрию Преосвященный поручал продавать подаренные ему на рясы шелковые материи и прочее, также и какие надобности случалися для келлии, он же покупал Преосвященному, ибо Преосвященный имел к нему особенную доверенность и весьма радовался, когда тот приезжал к нему, и много разговаривал с ним о должности христианской жизни. Когда же приезжал в Елец, то иногда останавливался в келии Димитрия Григорьевича, который келейную жизнь провождал. В 1779 году, когда Его Преосвященство уже в последний раз был в Ельце, то в его же келии квартировал. Преосвященный тогда уже крайне ослабевал здоровьем и пото-

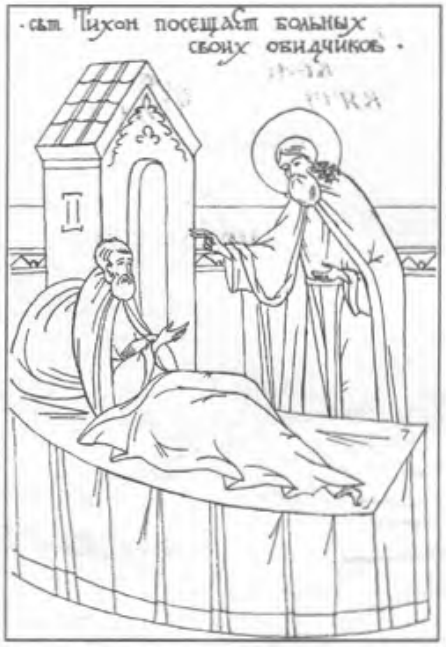
[1] Был, по преданию, даже такой случай. «У святителя Тихона в числе переписчиков его сочинений был один из послушников Задонского монастыря. Раз, когда он занимался у Святителя и доканчивал одну пиесу, в то же время понадобился он и настоятелю монастыря, который послал за ним в келью Тихона. Сей отвечает, что он тотчас его отпустит, лишь он несколько строк напишет; нетерпеливый монах, самолюбивый и вспыльчивый, посылает в другой раз; писец, кончивши, побежал к настоятелю, к коему вслед за ним пошел и Тихон, с тем, чтобы в случае, ежели настоятель будет гневаться на писца, вступиться за него, сняв вину на себя. Лишь только подходит, слышит шум и гнев настоятеля; Святитель удвоивает шаги и, отворив дверь, видит монаха, распаленного гневом, и не успел переступить чрез порог, получает сильную от него пощечину, с которою вместе Тихон повергается к ногам его и просит у него же прощения. Изумленный сим поступком, настоятель оставляет свою запальчивость, устыжается оной и бросается пред ним на колени, просит прощения, и таким образом смирение Тихона делает льва кротким агнцем» (из рукописи Московского Публичного Музея, № 116).

[2] «Шел он раз после обеда по монастырю, мимо братской трапезы, где штатные служители рубили дрова. Едва прошел он их (они ненавидели его за то, что он изобличал их беспорядки в жизни), как, подняв поленья, стали они шибать вслед за ним, произнося поносные слова: «Вон наш ханжа, ходит по монастырю, все ханжит!» Преосвященный, возвратясь в келью свою, сказал келейному: «Поди, позови мне сюда отца Митрофана». Келейник отправился и привел схимонаха Митрофана. Приняв его, владыка со скорбию сказал: «Отец Митрофан! Скажу я тебе новую историю про мое убожество. Ходил я по монастырю, мимо кухни братской, а возле оной служители рубили дрова и, поднявши поленья, шибали за мною вслед и досадительными словами упрекали: «Вон, говорят, наш ханжа ханжит!» Каково же от этаких людей терпеть озлобление! Схимонах же Митрофан с печальным взором ответствовал Преосвященному: «Это, владыка, вам хорошо, что делают вам озлобление: аще кого человецы укоряют и поносят, того Бог превозносит и прославит на небеси и на земли». Святитель сказал: «Благодарю тебя, отец Митрофан, что ты скорбь мою отогнал; знать, Господь тебя вразумил; хотя бы и мог отмстить им и несчастливыми сделать, но не хочу сего творить. Господь сказал нам: *любите враги ваша, и благословляйте клянущих вас*» (эпизод из рукописной редакции Жития святителя Тихона).

[3] Пытался.

му уже не мог беседовать с приходящими гражданами; а в прежние приезды, будучи здоровым, он много с ними разговаривал и радовался, что стекаются к нему граждане и ищут от него душеспасительных наставлений. Они же, в знак своего усердия к Его Преосвященству, приносили ему рыбы, хлеба и прочее, он принимал, но все отсылал к содержащимся в тюрьме, а себе ничего не оставлял, а только скажет мне: «Возьми себе калачей на дорогу, а мне ничего не надобно».

Того ж 1779 года, месяца декабря в последних числах, для учреждения вновь города Задонска из Воронежа приехали благородные. В день праздника Рождества Христова Преосвященный был в последний раз в 1779 году в церкви на литургии. По прочтении Апостола и Евангелия, я подошел к нему для принятия благословения. Он благословил меня и говорит мне: «Пойди впереди меня и очисти мне дорогу» (ибо в церкви была великая теснота). Я и пошел впереди его. Он вышел на паперть и сказал мне: «Постой здесь»; а сам пошел за церковь на северную сторону и с четверть часа был там (прежде же никогда он не выходил из церкви), паки пошел в церковь и мне велел идти впереди. По окончании обедни подошли к нему благородные для принятия благословения; он благословил всех их, но только был он тогда весьма в прискорбном виде. По приходе из церкви в сени говорит мне: «Запри двери; ежели дворяне придут, ты скажи им, что Преосвященный весьма слаб здоровьем». Они приходили, а я им так и сказывал, по приказанию его, они и пошли прочь. С сего времени он ни в церковь и никуда не выходил и не езжал до самой своей блаженной кончины, а только выходил на заднее крыльцо:



постоит или посидит немного; и к себе уже никого не пущал, разве весьма знакомого и духовного человека, и то на короткое время, поелику он был в глубоком молчании, разве что самое нужное и необходимое скажет. Прежде, когда я читывал ему Священное Писание, он много объяснял мне, а в сие время он только слушал и все молчал: глав десять прочитаешь, он скажет: «Полно, благодарствую тебе, пойди себе», – вот только и услышишь от него.

Неоднократно он говаривал: «Слышу я от многих: для чего я оставил епархию и пошел в келию? Вот причина моего уединения: первое, слабость моего здоровья не позволяла мне управлять епархиею; второе, епископский омофор, который на плечах своих носят епископы, очень тяжел: я ни поднять, ни носить не могу оного; к тому же я и сил не имею таких: пусть сильные носят. Вот и причина моего уединения».

Сей великий житием и добродетелями украшенный муж Преосвященный Тихон преставился в вечный покой 1783 года августа 13-го дня.

Я же написал сие не для других, но собственно для себя, чтобы памятовать мне его трудолюбное и богоугодное житие и самому таковым же подвигом достигать вечного блаженства. Аминь.

Наследие святителя Тихона Задонского

Утешение в покаянии

Должник, получивши от заимодавца милость и видя долг свой от него оставленным, радуется: так грешник, получивши от Бога высочайшую милость и грехов оставление, чувствует в сердце своем живое утешение и радуется о милости Его, на грешники изливающуюся. Истинно обратившееся сердце к Богу, кающееся и сокрушенное без утешения не оставляется от милосердого Создателя своего. Ибо Бог, яко человеколюбец и милосердый, любезно и милосердо зрит на сердце, обратившееся к Нему, сокрушенное и падающее пред Ним, так, что "*сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*" (Пс. 50, 19); и на таковое сердце изливает елей милости Своея, от которого уязвленное печалию сердце, как рана от живительного пластыря исцеляется и живность некую получает.

Отсюда грешникам, в истинном покаянии находящимся, утешение проистекает. Аще бо грешников пришел Он спасти, то и тебя, потому что и ты один из грешников. Аще погибших пришел взыскать, то и тебя взыщет, потому что и ты един из погибающих.

История Задонского Богородицкого мужского монастыря

Часть 18

Возрождая порушенное

В течение мая-августа 1990-го велась активная подготовка к освящению восстанавливавшегося Владимирского собора и совершению здесь первого богослужения после перерыва в 60 лет. Торжества намечены были на 26 августа – день памяти св. Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского.

И вот настал день радости.

Владимирский собор, в основном отремонтированный и приведенный в порядок, заметно помолодел, убранный изнутри свежей травой, устелившей пол и искусно сплетенными растительными гирляндами, протянувшимися между колонн. Появились на стенах иконы, затеплились свечи. Парадность происходившему придавали золотого шитья ризы десятков священнослужителей, принимавших участие в богослужении. Непосредственно в служении было занято более 60 человек. Но, конечно, центральными фигурами того празднества стали митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий и гость праздника – архиепископ Саратовский Пимен (Хмелевский).

Освящение алтарной части Владимирского собора состоялось 25 августа 1991 года, с утра. А по прибытии владык, в 16.00 того же дня, началось всенощное бдение с чтением акафиста св. Тихону, епископу Воронежскому, чудотворцу Задонскому, занявшее около четырех часов. Следующий день, 26 августа, ознаменовался служением литургии по случаю дня памяти святителя Тихона, и крестным ходом вокруг собора.

Проникновенно и слаженно пели два хора. Женский – из Воронежа и мужской – из Ельца. За отсутствием разрушенной в советские времена колокольни смонтировали походную, так сказать, звонницу, привезя несколько колоколов из Воронежа и одолжив у Свято-Троицкой церкви.

Богомольцев и любопытствующих, теснившихся на храмовом дворе осенял крест, почти что накануне

26 августа 1991 года — к Владимирскому собору движется крестный ход с возвращаемыми мощами святителя Тихона

увенчавший восстановленный центральный купол Владимирского собора. Праздник в 1990 году пришелся на среду. Еще в субботу прибыл вертолет, который первоначально планировалось использовать для установки креста. Но, оценив обстановку (а дул довольно сильный ветер), пилот рисковать не стал. Пришлось устанавливать крест вручную, распилив пятиметровую конструкцию пополам, а затем сварить уже на куполе. Где спасовала техника, сильны оказались руки человеческие, направляемые верой.

Но коротко время праздника. Проводив последних паломников, хозяева вновь вернулись к своим ремонтно-строительным заботам. Бригаду Н. Д. Телегина сменили елецкие специалисты под руководством Валерия Щепихина – мастера из числа тех русских самородных талантов, что до всего своим умом и тщанием доходят.

Тогда же, осенью 1990-го, после проведенной внутри Владимирского собора генеральной уборки, одновременно с отделочными работами появилась возможность заняться трудом куда более тонким – восстановлением храмовых росписей, выполненных в свое время профессионалами под руководством «известного московского художника К. Ефр. Морозова».

Для того, чтобы оживить пожухшие и местами изрядно осыпавшиеся росписи, стараниями отца Игнатия Кондратюка были привлечены реставраторы с высшим художественным образованием. На протяжении четырех лет возобновлением живописных работ руководил москвич В. А. Наумов. Первой свежесть красок была возвращена расположенной в алтарной части «Тайной вечере».

Реставрация росписей принесла горькое напоминание о годах безверия, когда ничто святое не могло остановить поистине вдруг осатаневших кощунников. Из штукатурки там, где написан был лик Христа, прощающегося с учениками, реставраторы извлекли смятую револьверную пулю...

К счастью, горечь воспоминаний скрашивалась в те дни радостью обновления. Вскоре после освящения Владимирского собора произошло то главное, чего чаяли и облеченные саном священнослужители, и простые российские парни, пришедшие помочь в восстановлении храма с тайной надеждой стать монахами, возможно, будущего монастыря. В конце 1990 года руководством Липецкой области дано было принципиальное согласие на передачу Церкви всего комплекса зданий, некогда принадлежавших Задонскому Богородицкому мужскому монастырю.

По благословению митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия в Задонск поздней осенью года девяностого прибыл архимандрит Нафанаил (Черняк), чтобы исполнять обязанности наместника в возрождающей обители. Ему суждено было Великим постом 1991 года совершить во Владимирском соборе первый постриг иноков новой обители. В тот день постриг приняли пятеро.

А в июне 1991-го по благословению правящего архиерея Задонскую братию возглавил архимандрит Никон (Васин). Примечательно, что новый наместник был из числа духовных чад старцев, свято хранивших заветы воспитавшей их Глинской пустыни – одного из последних оплотов старчества в послевоенной Советской России. Митрополит Тетрицкаройский Зиновий (Мажуга) и схиархимандрит Виталий (Сидоренко) были наставниками и спутниками Николая Васина в его первых серьезных шагах по пути духовному.

Братия была вверена управлению архимандрита Никона в момент для новорожденного монастыря особо ответственный – в связи с планируемым возвращением в Задонск мощей святителя Тихона ожидался приезд Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Но на Преображение страну потряс переворот, вошедший в историю как ГКЧП, и Святейшего задержали в столице государственные дела. **А перенесение мощей св. Тихона в Задонск состоялось, как и было запланировано, в день памяти святителя – 26 (13 – по ст. стилю) августа 1991 года.**

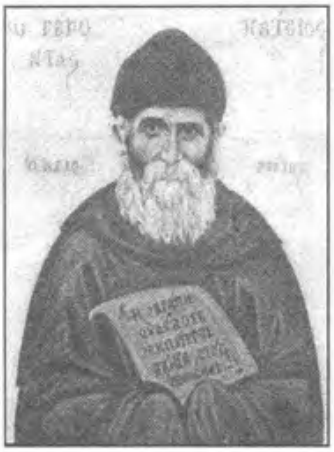
Задонск в тот день почтил визитом митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий, которому сопутствовали три архиерея: архиепископ Саратовский и Вольский Пимен, архиепископ Рязанский и Касимовский Симон (Новиков) и епископ Орловский и Брянский Паисий (Самчук). Они и совершили, в сослужении, Божественную Литургию.

По завершении торжеств возвращенная Задонскому Богородицкому монастырю святыня обрела покой в специально устроенной раке, украшенной чеканной латунью, под балдахином, осеняемая сохраненной стараниями верующих и городского духовенства иконой с изображением святителя Тихона – той самой, что некогда занимала именно это место – у раки с мощами во Владимирском соборе.

С тех пор мощи Задонского чудотворца пребывают во Владимирском соборе, как и встарь, являя неизбывную свою благодать прибегающим к помощи святителя с чистым сердцем, наполненным искренней верой.

Л. МОРЕВ

О ЭПОХЕ МНОГИХ УДОБСТВ



Схимонах Паисий Святогорец (1924–1994)

Сердца людей тоже стали железными

Человеческие удобства перешли всякие границы и поэтому превратились в трудности. Умножились машины – умножились хлопоты. Машины и железки уже командуют человеком, превратив в машину его самого. Поэтому сердца людей и стали железными. При всех существующих технических средствах остается невозделанной совесть человека. Прежде люди работали с помощью животных и отличались состраданием. Если ты нагружал на несчастное животное груз больший, чем тот, который оно могло понести, то оно опускалось на колени, и тебе становилось его жалко. Если оно было голодным и жалобно глядело на тебя, то твое сердце обливалось кровью. Помню, как мы страдали, когда у нас заболела корова, – мы считали ее членом нашей семьи. А сегодня люди имеют дело с железками, и сердца их тоже железны. Лопнула какая-нибудь железяка? На сварку ее. Сломалась машина? Везут в автосервис. Нельзя починить? На свалку, душа не болит: «железо, – говорят, – оно и есть железо». Сердца людей нисколечко не работают, а ведь таким образом в человеке возделывается самолюбие, эгоизм.

Сегодня один человек не думает о другом. В старые времена, [когда не было холодильников] если еда оставалась на следующий день, то она портилась. Поэтому люди думали о бедняках, говорили: «Все равно испортится, отнесу-ка ее лучше какому-нибудь нищему». А тот, кто находился в духовно преуспевшем состоянии, говорил: «Пусть сначала покушает бедняк, а уже потом – я». Сейчас оставшуюся еду ставят в холодильник, а о своем ближнем, находящемся в нужде, не думают.

Из-за машин люди посходили с ума

Современные технические средства все развиваются и развиваются – без конца. Они развиваются быстрее, чем человеческий ум, потому что в их развитии помогает диавол. В старину, не имея всех этих средств, всех этих телефонов, факсов, всей этой кучи приспособлений, люди имели тишину и простоту.

– *Геронда*[1], *они радовались жизни!*

– Да, а сейчас из-за машин люди посходили с ума. От многих удобств они мучаются, их душит тревога. Помню бедуинов, которых я знал в бытность мою на Синае, – какие же они были радостные! У них была всего одна палатка, и жили они просто. В Александрии или в Каире они жить не могли – им по душе была жизнь в палатках в пустыне. Если у них было немножко чая, то они не знали куда деваться от радости и славили Бога. Но сейчас цивилизация дошла и до них, и они тоже стали забывать Бога. Бедуины – и те попали под влияние европейского духа! Сперва евреи по-

[1] Геронда – уважительное обращение («отец», «старец») – прим. ред.

строили для бедуинов лачуги, потом продали им старые автомобили со всего Израиля. Сейчас у каждого бедуина есть по лачуге, во дворе лачуги – по сломанному автомобилю, а в душе – полно тревоги и переживаний. Автомобили ломаются, бедуины бьются над их ремонтом. И если вглядеться, что они от всего этого приобрели? Головную боль и ничего больше.

В старину вещи были, по крайней мере, крепкими, их хватало надолго. А сейчас – платишь целую кучу денег и покупаешь вещи, которые сразу же ломаются. И предприятиям это на руку – они увеличивают выпуск товаров и весьма наживаются на этом. А людям потом не хватает денег, и, стремясь заработать больше, они убиваются на работе. Все эти машины и механизмы – занятие европейцев, которые целыми днями сидят с отвертками в руках. Сначала изготавливают, к примеру, какую-нибудь крышку. Потом делают ее на резьбе, потом с кнопкой – совершенствуют бедную крышку все больше и больше... То есть, постоянно появляются все новые и новые машины и приспособления, и несчастные люди все время хотят чего-то более совершенного. Еще не успев расплатиться за старое, они покупают что-то новое, поэтому они в долгах и в усталости. А взять бедняка: ему тоже хочется автомобиль, он идет и покупает какой-нибудь из самых дешевых. А чтобы его купить, он продает своих волов, лошадей – продает последнее. (Все идет к тому, что скоро на витрину будут выставлять даже ослов и брать деньги за то, чтобы на них поглядеть!) Ну так вот, бедняк – покупает он себе какой-нибудь дешевенький автомобильчик. Машина ломается. «А к таким машинам, – говорят ему, – запчастей нет». Бедолага вынужден покупать другую машину. Однако машина последней марки бедняку не по карману, и он покупает какую-нибудь чуть получше той, что была у него раньше, а старую ставит в сторонку. Потом новая тоже ломается и так далее... Требуется внимание, чтобы нас тоже не увлек этот модный поток погони за чем-то все более и более совершенным.

Телевидение нанесло людям огромный вред

– Геронда, сейчас существуют такие телевизионные коммуникационные средства, что можно наблюдать за происходящим на другом крае земли в ту же самую минуту.

– Люди видят весь мир, не видя только самих себя. Не Бог уничтожает людей, нет, сейчас люди своим умом уничтожают себя сами.

– Геронда, телевидение приносит много зла...

– «Много зла!..» Да о чем ты говоришь!.. Один человек сказал мне: «Телевизор, отче, это вещь хорошая». – «Яйца, – ответил я ему, – тоже вещь хорошая, но вот только если перемешать их с куриным пометом, то они становятся ни на что не годными». С телевидением и радио происходит именно это.

Особенно разрушительно оно воздействует на маленьких детей. Както ко мне в каливу пришел семилетний мальчик со своим отцом. Я видел, как устами ребенка вещал телевизионный бес, подобно тому, как бес говорит устами одержимых. Сегодня не часто видишь нормальных детей – дети превратились в чудовищ. Дети не работают головой, они просто повторяют то, что увидели и услышали. Таким вот образом, с помощью телевидения, некоторые хотят оболванить мир.

Монах и современные технические достижения

– Геронда, а как монах должен пользоваться современными техническими средствами?

– Монах должен стараться, чтобы те средства, которые он использует, всегда были попроще, чем те, что используют люди в миру. Мне вот, к примеру, нравятся дрова: чтобы топить печку для тепла, готовить пищу и разводить необходимый для рукоделия огонь. Однако если дрова пропадут, их станет трудно достать, то я буду пользоваться каким-нибудь более простым средством, чем то, которым пользуются люди в миру. Для обогрева – керосиновой печкой или чем-нибудь еще, подешевле и посмиреннее, для рукоделья – примусом и так далее.

– А как можно определить, до какого предела необходимо что-то в общежительном монастыре?

– Если мыслить по-монашески, то это можно определить. Если же по-монашески не мыслить, то все, что ни возьми, превратится в «необходимое», а потом и сам монах превратится в мирского человека. Нам, монахам, следует жить хотя бы чуть-чуть проще, чем живут в миру, или – на самый худой конец – так, как мы сами жили до ухода в монастырь. Мы не должны иметь вещей лучше тех, которые прежде имели у себя дома. Монастырь должен быть беднее, чем тот мирской дом, из которого я в него пришел. Это внутренне помогает как монаху, так и миру.

Бог устроил все так, чтобы люди не находили себе упокоения в вещах тленных. Если этот мирской прогресс мучает даже мирян, то что говорить о монахах! Если бы я оказался в каком-нибудь богатом доме и хозяин спросил бы меня: «Где тебе отвести место для ночлега? Могу постелить тебе в роскошно обставленной гостиной или в хлеву, куда я загоняю на ночь коз. Что тебе больше по душе?» Даю вам честное слово, в козлином хлеву моей душе было бы спокойнее. Ведь уходя в монахи, я покидал мир не для того, чтобы найти себе какой-то лучший дом или дворец. Я уходил в монахи для того, чтобы найти нечто более строгое, чем то, что я имел, живя в миру. А в противном случае я не делаю для Христа ничего. Но люди, живущие по законам современной логики, сказали бы мне: «Слушай-ка, ну чем повредит твоей душе

жизнь во дворце? Ведь там, в хлеву, так дурно пахнет, тогда как во дворце и запах приятный и поклончики сможешь положить». Мы должны иметь орган духовного чувства. Как у компаса – и одна и другая стрелки намагничены, и поэтому одна стрелка поворачивается к северу. Христос «намагничен», но для того, чтобы повернуться к Нему, нам тоже надо немножко «намагнититься».

Некоторому из того, что происходит сейчас в монастырях, оправдания нет. Я видел, как в одном монастыре хлеб режут с помощью электрохлеборезки. Ну куда это годится? Если хлеборез болен или ослаб и не может резать хлеб ножом, а заменить его некем, тогда ладно – электрохлеборезка еще как-то оправдана. Но сейчас можно увидеть, как здоровенный детина режет булки циркулярной пилой! Да ему самому впору работать вместо компрессора, а он использует технику для нарезания хлеба и еще считает это достижением!..

Старайтесь идти вперед в духовном отношении. Не радуйтесь всем этим машинам, удобствам и тому подобному. Если из монашества уходит дух аскезы, то жизнь иноков не имеет смысла. Мы не преуспеем, если будем ставить удобства выше монашеской жизни. Монах избегает удобств, потому что в духовном отношении они ему не помогают. Даже в мирской жизни людям тяжело от множества удобств. Монаху – даже если бы его душа находила покой в вещах мирских – тем паче не приличествует комфорт. Не будем же его искать. В эпоху Преподобного Арсения Великого не было ни керосиновых ламп «люкс», ни других осветительных приборов. Во дворцах использовали светильники на очень чистом масле. Что, разве Арсений Великий не мог взять с собой в пустыню такой светильник? Мог, но ведь не взял. В пустыне он пользовался фитильком или ваткой с обычным растительным маслом, и этого хватало ему для освещения.

Имея на послушаниях различные приспособления, технические средства и прочие удобства, мы часто оправдываем себя, говоря, что все это необходимо нам для того, чтобы работа делалась быстро, а высвободившееся время мы якобы использовали бы для духовного делания. Но, в конце концов, мы проводим многопопечительную, исполненную душевной тревоги жизнь не как монахи, а как люди мира сего. Когда в один монастырь пришло новое братство молодых монахов, то первое, что они сделали, была покупка кастрюль-скороварок – чтобы высвободилось время на исполнение монашеского правила. Потом эти монахи часами просиживали без дела и вели разные разговоры. Значит, использовать различные удобства для того, чтобы сэкономить время и посвятить его чему-то духовному, не получается. Сегодня с помощью удобств монахи выигрывают время, но времени на молитву у них не остается.

Нам нужно понять, что все исчезнет, а мы предстанем пред Богом должниками. Помните две вещи: первое – то, что мы умрем, и второе – то, что умрем мы, может быть, и не своей смертью. Вы должны быть готовы к смерти насильственной. Вот если об этих двух вещах вы будете помнить, то и все остальные дела пойдут хорошо – и в отношении духовном, и в каком угодно еще – все пойдет тогда своим чередом.

Лишение очень помогает людям

– Геронда, почему люди сегодня так страдают?

– Потому что они избегают труда. Комфорт – вот что приносит людям болезни и страдания. В нашу эпоху удобства отупили людей. А мягкотелость, изнеженность принесла и множество болезней. Как раньше люди мучались, обмолачивая пшеницу! Какой же это был труд – но ведь и хлебушек – какой же он был тогда сладкий! Разве можно было увидеть где-нибудь брошенный кусок хлеба? Видя упавший кусок хлеба, люди поднимали и целовали его. Те, кто пережил оккупацию, видят лишнюю краюху хлеба и бережно откладывают ее в сторонку. А остальные выбрасывают лишний хлеб – не понимают, какой ценой он достается. Хлеба не ценят – выбрасывают его на помойку целыми кусками. Бог дает людям Свои благословения, но большинство людей не говорит за них даже: «Слава Тебе, Боже». Сегодня все достается людям легко, без труда.

Лишения очень помогают людям. Испытывая в чем-то недостаток, чего-то лишаясь, люди становятся способны познать цену того, чего у них не стало. А те, кто сознательно, с рассуждением и смирением лишают себя чего-то ради Христовой любви, испытывают духовную радость. Если кто-то, к примеру, скажет: «Такой-то человек болен, и поэтому сегодня я не буду пить воды. Ничего большего, Боже мой, я сделать не могу». И если человек совершит это, то Бог напоит его уже не водой, а сладким прохладительным напитком – божественным утешением.

Множество удобств делает человека ни на что не годным

Сегодня люди стремятся к красоте и обольщаются красотой. Европейцам это на руку – они все крутят и крутят своими отвертками, изготавливая что-нибудь новенькое – красивое и якобы более практичное – чтобы людям не нужно было даже шевелить руками. В прежние времена, работая старинными инструментами, люди и сами становились крепче. А после работы с нынешними механизмами и приспособлениями нужно прибегать к помощи физиотерапии и массажа. Подумать только, сейчас врачи занимаются массажем! Сегод-

ня видишь, как у столяра свисает вот такое брюхо! А разве в прежние времена можно было увидеть пузатого столяра? Разве мог появиться живот у столяра, который целыми днями строгал дерево рубанком?

Множество удобств, становясь чрезмерными, делают человека ни на что не годным. Человек превращается в бездельника. Он может перевернуть что-то рукой, но говорит: «Нет, лучше-ка я нажму на кнопочку, и пусть оно перевернется само!» Если человек привыкает к легкому, то потом ему хочется, чтобы все было легким. Нынешние люди хотят работать мало, а денег получать много. А если можно совсем не работать, то еще лучше! И в духовную жизнь тоже проник этот дух – мы хотим освятиться без труда.

Сейчас – сплошные витамины В, С, Д да лимузины «мер-се-де» – без всего этого люди уже не могут жить. Один мальчуган в Конице был очень непоседливым и подорвался на мине. Его ножка так скрючилась, что он не мог ее выпрямить. Однако это увечье более спокойным его не сделало. От живости он постоянно шевелил искалеченной ножкой, сухожилия разработались, и нога стала здоровой. А потом он даже партизанил.

И я, когда мою ногу скрутил ишиас, молился по четкам, потихоньку прохаживаясь, и нога окрепла. Часто движение приносит пользу. Если я заболеваю и через два-три дня болезнь не проходит, так что я не могу и пошевелиться, то я прошу Бога: «Боже мой, помоги мне только маленечко подняться и сдвинуться с места, а там я уж как-нибудь сам. Пойду заготавливать дрова». Если я останусь лежать, то мне будет еще хуже. Поэтому я собираюсь с духом и, даже будучи простуженным, заставляю себя подняться и идти на заготовку дров. Укутываюсь поплотнее, потею, и выходит вся простуда. Можно подумать, будто я не знаю, что лежать в кровати спокойнее! Но я заставляю себя встать и – куда только все девается! Принимая народ, я заранее знаю, что от сидения на пне у меня занемеет все тело. Конечно, я могу постелить на пень какой-нибудь коврик, но тогда надо стелить и для других, а где я возьму столько ковриков? Поэтому ночью я в течение часа прохаживаюсь и молюсь по четкам. Потом я на какое-то время вытягиваю ноги, чтобы в них не застаивалась кровь – с этим у меня тоже проблемы. Если я оставлю себя в покое, то за мной будет нужен уход. Тогда как сейчас [наоборот,] я служу людям. Вам это понятно? Поэтому пусть человек не радуется лежанию в постели, пользы от этого нет.

– Геронда, а удобства, телесный покой вредны человеку в любом случае?

– Иногда они бывают нужны. Например, у тебя что-то болит – ну что же, тогда сиди не на досках, а на чем-нибудь мягком. Но ведь «на мягком» – это не значит на бархате. Подложи какую-нибудь простую тряпочку. Если же у тебя есть мужество, то не подкладывай ничего.

– Геронда, есть люди, о которых говорят: «Это старая кость».

– Да, есть такие люди. На Афоне, недалеко от моей каливы живет один монах-киприот – старец Иосиф, родом из Карпасии. Старцу – сто шесть лет, а ухаживает за собой сам. Разве в миру такое сегодня встретишь? Некоторые нынешние пенсионеры не могут даже ходить, их ноги ослабевают, сами они от сидения заплывают жиром и становятся ни на что не годными. А если бы они были заняты каким-нибудь делом, то получали бы от этого огромную пользу. Как-то раз старца Иосифа забрали в монастырь Ватопед. Все ему выстирали, его вымыли, окружили заботой. А он им и говорит: «Я, как только сюда приехал, – заболел. И это все из-за вас. Везите меня обратно в мою каливу умирать». Делать нечего, пришлось везти его обратно. Как-то пришел я его навестить. «Ну что, – говорю, – я слышал, что ты переселился в монастырь». – «Да, – отвечает, – было дело. Приехали на машине, забрали меня в Ватопед, мыли, чистили, ухаживали, но я заболел и сказал им: «Везите меня назад». Не успел вернуться, как выздоровел!» Сам уже не видит, но плетет четки. Однажды я передал ему немного вермишели, так он даже обиделся: «Неужто за чахоточного больного меня принимает Старец Паисий, что шлет мне вермишель?» Представьте себе – ест фасоль, ревит, бобы – такое здоровье, что только держись – как у молодого парня. Ходит, опираясь на две палки, и при этом умудряется собирать траву, которую варит и ест. Сеет на огороде лук! Для стирки одежды и мытья головы сам носит воду! А потом еще совершает богослужение, сам читает Псалтирь, совершает свое монашеское правило, молится Иисусовой молитвой. Нанял двух кровельщиков перекрыть крышу и с палками в руках полез по лестнице посмотреть, как они работают. «Спускайся вниз», – говорят ему мастера. «Ну уж нет, – отвечает, – поднимусь, погляжу – как вы там кроете». Конечно, мучается он сильно. Но знаете, какую он ощущает радость? Его сердце взмывает ввысь как птица! Другие монахи тайком берут его одежду и стирают ее. Видишь, какое доверие Богу! У других есть все, чего ни пожелает душа, но вместе с тем – страх и тому подобное. А он от заботы заболел, но как только его оставили в покое – выздоровел.

Легкая жизнь человеку не на пользу. Комфорт не для монаха, удобство наносит пустыне безчестие. Ты можешь быть избалованным прежней жизнью, однако если ты здоров, то тебе надо себя закалить. Иначе ты не монах.

Старец Паисий Святогорец,
«Слова», т. I, «С болью и любовью о современном человеке»,
Издательский Дом «Святая Гора»

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Книга 5
Из воспоминаний духовного чада схимонахини Августы
(часть 1)

С отцом Виталием я познакомилась в 1974 году. Мы жили тогда на Украине. У нас был семейный вопрос, который мы с мужем не могли разрешить: мнениями расходились. Пошла я к матушке Иулиании, она – чадо отца Виталия, схимонахиня, все время к нему ездила и нам про него рассказывала. Очень любвеобильная, трудолюбивая была, молитвенница. Один человек сказал, что таких, как матушка Иулиания, рождаются на 200, а то и 300 лет одна.

Обратилась я к ней со своим вопросом, объяснила все, говорю:

– Матушка Иулиания, тут у нас такое… я и не знаю, что делать.

Она отвечает:

– О, Валентина, я этот вопрос не решу. Вот скоро должен приехать отец Виталий, жди – это только он может решить...

Мне все говорили, что это старец, даже моя соседка. Я как-то с ней поделилась: «Мне мать Иулиания сказала, что старец приедет». Она сразу оживилась: «Иди – это отец Виталий! Он – старец истинный, знает всю нашу подноготную. Он все грехи мои обличил, только я сразу этого не поняла. И лишь когда он дал мне ситец, я догадалась, что это он».

И начала мне рассказывать: «Вот мать Иулиания мне сказала: «Клава, ты свои вопросы будешь решать, когда приедет отец Виталий, старец». А я думаю: «Господи, хотя бы у этого старца с рук что-нибудь получить!» – хотелось, чтобы он что-нибудь дал мне. Я шла и представляла его таким пожилым, борода большая, а захожу – сидит кто-то худенький, маленькая бородочка. Я думаю: «Это, наверно, послушник сидит. А где же старец?» А он сразу же как начал меня обличать, рассказывать все мои грехи! Говорит:

– О, да я как начну молиться! Бывает, заведу часы-будильник, чтобы завтра встать пораньше. Утром гляну: ой, еще немножко полежу. Будильник прозвенел – я опять лежу, а когда и задремлю. А потом как кинусь: братья вот-вот должны прийти! Молиться уже и некогда. Вскакиваю, начинаю быстро еду готовить, спешить, у меня, – говорит, – не получается!

Вот точно так же, Валь, и у меня! А он продолжает:

– Посмотрю, что на мне одежда с коротким рукавом – пойду, надену

с длинным, стану молиться. А тут с другой кельи брат зашел. Я уже нервничаю: чего ему надо?! Тут помолиться бы быстрее, а он ходит!

А я ему:

– О, отец Виталий! Ко мне тоже все время одна соседка заходит, а я все время недовольничала.

Когда он все-все мои грехи сказал, я стала задумываться: да что ж такое – что все мое точно сходится с ним?! Как у меня было, так и у него! Я сразу не поняла. А когда настала пора идти домой, он меня благословляет и говорит:

– На, раба Божья! – и дает мне 10 метров ситца. – Как ты желала из моих рук – получи!

Я так обрадовалась: не так мне дорог этот ситец, как дорого его благословение. Тут я стала догадываться, что все грехи, о которых он мне говорил – это все мое.

Да, это точно старец! Я летела домой, а не шла, дороги под собой не чувствовала. У меня была такая радость! Иди к нему, Валентина, иди».

Соседка мне так сказала, и я каждый раз стала после работы к матушке Иулиании заходить. Сначала – к ней, а потом уже домой. Один раз в субботу вечером, помню, зашла, а у нее полон двор матушек. Все на улице под навесом сидели. И схигумения Серафима – тогда она еще была мать Мария, послушница отца Виталия – сидела за столом.

А я хоть и верующая была, но не знала еще, как правильно с людьми обходиться. Зашла и по-мирскому говорю:

– Здравствуйте!

Они все посмотрели на меня, головы наклонили, и никто мне не ответил. Я тогда смутилась, думаю: а что же теперь говорить, как мне расспросить? Тогда выходит матушка Иулиания:

– Здравствуй! – и так покраснела-покраснела. – Ты пришла?

– Пришла, – говорю. – Матушка, отец Виталий приехал? Можно к нему?

Тут ей и попало! Мать Мария ее отчитала. Матушка Иулиания покраснела, но ничего не возразила:

– Мать Мария, у нее такой важный вопрос. Она тут пять минут только затратит, спросит у о. Виталия и больше ничего!

Она сначала строго посмотрела, а потом говорит:

– Ну ладно, подожди! Он там сейчас беседует с одним рабом Божиим, подожди.

Я тогда присела, притихла, рада, что меня хоть не выгналию. Сижу – почти не дышу. Потом выбегает мать Иулиания:

– Валентина, пошли! Отец Виталий зовет тебя…

Я к матери Марии подошла и спрашиваю:

– Мать Мария, можно?

– Ну ладно, иди-иди! Только не задерживай его сильно! Уже поздно!

Я зашла к отцу Виталию и сразу в слезы. Такое благодатное состояние было, что не могла на него смотреть – будто к родному человеку пришла. Хочется все рассказать, пожаловаться ему.

Отец Виталий благословил меня, потом складывает руки и говорит:

– А теперь ты меня благослови, – а он уже был батюшкой!

Я своей дрожащей рукой благословила его, похристосовались мы и начали беседовать.

Была я тогда «в положении» – восемь недель, мне сказали. А у меня перед этим уже было много ошибок (аборты), я только раскаялась в этом грехе – и сразу мне такое! Муж говорит:

– Ты будешь рожать четвертого? Ты что?! Надо мной смеются, что у нас уже трое детей. Ты что вздумала?!!

Я отвечаю:

– Я не могу уже. Я не пойду на аборт, потому что боюсь, что тебе тех трех оставлю. У меня здоровья нет, сердце плохое, я не вынесу – я сразу же помру, – я «повернула» на здоровье, но сама боялась греха.

А муж говорит:

– Ничего, не помрешь. Вон другие побольше делали, а ты помрешь!

И я пришла к отцу Виталию с этим вопросом:

– Отец Виталий, муж опять заставляет меня идти на аборт, а я не хочу, боюсь греха – я только раскаялась, – а сама плачу, сильно плачу.

А он ставит свечу и говорит:

– Это испытание Божие, испытание Божие. Вот что я тебе говорю, запоминай: ты во всем слушайся мужа, но это только не делай. Нельзя убивать деток, надо их любить.

И продолжает:

– Вот я тебе сейчас расскажу историю про одну христианскую семью…

А я нервничаю, боюсь задерживать его. Только услышу, что мать Мария заговорит в коридоре, сразу поворачиваюсь, вскакиваю. Она заходит, а я не знаю, что делать. Отец Виталий опять меня посадит:

– Никуда не уходи. Сиди. Я тебе расскажу сейчас одну историю.

И начал мне рассказывать, как муж загулял, а жена все больше Псалтирь читала, молилась, благодарила Бога и все терпела, не прекословила, тянула это все. Он под одной крышей, мол, блудил, а жена все молилась, благодарила Бога и не роптала.

Отец Виталий так на меня смотрит и говорит:

Батюшка учил во время повседневных дел и забот не оставлять в уме Господа: «Что ни делаете, помышляйте, наблюдая за сердцем, что все делаете Господеви. Вот и пойдут дела Ваши во славу Божию. И Иисусову молитву творите – и будет двойное дело: и молитва, и труд и тако всегд с Господом будете».

Из наставлений схиархимандрита Виталия

– Вот каким надо терпением запасаться!

А я сижу и думаю: «Дай, Боже, такого терпения, как у той христианки. Глянь, как она несла все! Терпеливо, безропотно».

А Батюшка все рассказывает мне, что муж попал в милицию, а жена начала хлопотать за него, за детей – их уже много стало. Муж маленькое наказание понес, и его выпустили…

И замолчал. Я спрашиваю:

– Отец Виталий, а чем кончилась эта история?

Он посмотрел на меня внимательно и говорит:

– Ты знаешь, вот я забыл… Вот я забыл, чем кончилось это житие.

Тут он меня благословил, и я пошла домой. Облегчение, конечно, получила большое, но все равно была в сомнении: как поступить, что сейчас мужу говорить, как он на это посмотрит? Потом все-таки решила, что раз попала к такому Батюшке, старцу, то надо делать, как он велел.

Пришла домой – у нас опять все напряженно, свекровь дуется: она ведь с нами жила, ей сильно трудно было. Ну, правда – с тремя-то детьми! Я же всегда сразу после декрета выходила на работу, а она оставалась с малышами. И тут с неудовольствием узнала, что я опять буду рожать – четвертого.

И вот муж сердится, свекровь тоже недовольничает, молчит, сопит. Скандалов, правда, мы не устраивали, особенно при детях, а напряженность была. Я говорю:

– Я не пойду на аборт, у меня здоровья нет!

Муж отвечает:

– Ну не пойдешь и не надо!

Свекровь раз не выдержала и говорит:

– Монашка ты! Через тебя он стал уходить «на сторону».

А этому были свои причины – еще я согрешила. Когда муж сказал:

– Ты что – четвертого будешь?

Я отвечаю:

– Да.

– Надо мне теперь искать (в смысле «любовницу).

Я не сдержалась, вырвалось у меня такое:

– Да иди – ищи, но я этот грех не буду делать, на аборт не пойду.

И муж начал блудить.

Когда я потом опять попала к отцу Виталию и рассказала про это, он говорит:

– Вы венчаны?

– Да, венчаны.

– Вот этого нельзя б тебе было говорить.

– Отец Виталий, а как надо? Я не сообразила сразу.

– Да ты б сказала, что, мол, мы венчаны, а ты знаешь, что это большой грех – смотри сам. Вот это уже была б не твоя вина. А теперь будешь молиться, чтобы Господь и его спас, и тебя – ведь ты его благословила на блуд, и он сразу пошел…

И вот свекровь на меня сколько раз говорила:

– Монашка, через тебя он теперь уходит! Так бы он никуда не пошел и был бы с детьми. Это ты виновата!

Сама она верующая и ни одного аборта не сделала. Пятеро ее детей умерло в голод, осталось двое: мой муж и его сестра. А всего было семеро…

Вот как-то мужа уже неделю не было. Свекровь ходит, тужит, я тоже скорблю. Она садится за стол и говорит мне:

– Садись, ешь. Чего ты не кушаешь?

Я отвечаю:

– Мам, я не хочу.

– Ты уже два дня не ешь! Ты же с ног свалишься! Кому детей оставишь?! Садись – кушай!

Я говорю:

– Мам, да я не хочу есть.

Тогда она достает последние свои деньги, дает мне трояк и говорит:

– Пойди, возьми вина! Хоть для аппетита немножко выпей – и кушать захочется. Он там где-то мотается, а ты сляжешь и детей бросишь.

А тогда большая бутылка портвейна стоила 2.80. Я купила то вино и выпила на голодный желудок полстакана. В голове сразу все зашумело, завертелось. Смотрю: стоит старший сын – Анатолий, и дочери – Светлана и Катя. А я ем, и вино на столе стоит. Мать сидит напротив:

– Ты кушай, кушай...

А Катя взяла кружку (она тогда самая младшая была) и говорит:

– Мама, налей мне ситра.

Она ж не понимает по этикетке, но видит, что розовое. У меня как полились слезы. Говорю:

– Доченька, да это же не ситро! Мама, у тебя нет еще денег? Что ж я: для себя взяла, а детям – ничего?

Она в ответ:

– Нет, это были уже последние деньги.

Я зарыдала:

– Детки, простите меня! Больше я не прикоснусь к этой бутылке.

И правда, по милости Божией и по молитвам отца Виталия, я вина больше за свою жизнь не пила…

Будущему ребенку я заранее ничего не купила. До родов в декрете я только месяц побыла и попала в больницу. Или врачи ошиблись, или я. Я-то думала, что еще месяц – успею, куплю. Родила – у меня ничего не было: ни пеленки, ни распашонки.

И тут пришел по молитвам отца Виталия муж. Он взял отпуск на работе на то время, что я буду в больнице. Пришел с детьми – они все чистенькие, одежда выглажена. В больнице написал письмо, попросил прощения у сына этого – Сергея. Дети мне говорят:

– Мама, мы прочитали письмо в его кармане. Он хотел передать, но постеснялся. А в письме написал, что сильно просит прощения: мол, сын, прости меня, что я посылал мать, чтобы тебя уничтожить, а тут, глянь, какой! Ты же сын! Мол, глянь, как ты поддержал голос брата, – а у нас был первый мальчик и две девочки.

Купил коляску, все с иголочки. Переродился человек. Приходит в больницу, мне женщины завидуют: «У вас он как первенец». Дети кричат:

– Покажи, покажи маленького!

Покажу – они все прыгают около окон. А сынишка был такой жизнерадостный. Я думала: Боже, помилуй! Это все только по молитвам отца Виталия. Я благодарила Бога, что Господь послал меня к этому старцу – как у нас все в жизни переиначилось…

Потом, когда Сергию было уже шесть месяцев, отец Виталий снова должен был приехать к матушке Иулиании. Я зашла к ней во двор, а Роман – будущий схиигумен Стефан – с Николаем рубили дрова. Спрашиваю:

– Ребята, отец Виталий приехал? – А они все скрывали. – Отец Виталий должен приехать – мне матушка Иулиания сказала...

Тогда он говорит:

– Так ты уже знаешь. Еще пока только автомашина на вокзал за ним поехала, придешь после.

Побежала я за Сергеем, схватила его в пеленки, думаю: «Пойду ж, отблагодарю Батюшку!» Пришла, а Роман говорит:

– А что ты к отцу Виталию?

– Ой, Роман, я пришла поблагодарить. Вот мальчик Сережа. Отец же не хотел его, а он такой хороший. Как его в семье все любят: и папа, и бабушка, и дети!

А он смотрит на меня и говорит:

– Тебе еще будет испытание.

Я испугалась, Сергея к себе прижала:

– Еще будет?

– Еще будет испытание, но уже теперь легче его перенесешь.

– Слава Богу!

Я же сначала не знала, а потом оказалось, что Роман тоже мог наперед сказать. Ну и правда, началось: после Сергея еще родилась Юля, а потом и Боря…

Зашла в дом – как раз мать Мария за столом сидела, кушала. А я ее и не узнала. Стою с Сережей на руках. Она:

– Пришла?

Говорю:

– Приятного аппетита.

Она:

– Спаси Господи, – так строго глянула.

Тогда мать Иулиания подходит и говорит:

– Это ж мать Мария.

Я мать Иулиании дитя отдала, а сама упала на колени, говорю:

– Матушка Мария, простите, я Вас не узнала. Я пришла поблагодарить отца Виталия. Благословите к нему зайти...

Мать Мария говорит:

– Ну, ладно-ладно, иди, – уже с улыбкой.

Привела меня туда, где отец Виталий сидел, а там много народа было – Сережа и расхныкался. Я же, как узнала, что Батюшка приехал, быстрее схватила сынишку да бегом прибежала и даже не покормила. А

Одна духовная дочь старца вспоминает: «Я прожила с неверующим супругом, богохульником, 23 года. Много раз думала разойтись, а отец Виталий не благословлял. Он говорил: "Кто терпит свой крест до конца, тому венец готовится, а награда на Небесах такая от Бога, что человек даже не может себе представить"».

Из наставлений схиархимандрита Виталия

он тут кушать захотел. Мать Иулиания говорит:

– Что он плачет?

– Да он есть хочет.

– Иди туда и покорми.

Я сижу на веранде, а Батюшка в доме с остальными беседует. Потом берет образ Матери Божией и начинает всех благословлять. Заходит на веранду с иконой и говорит:

– А Матерь Божия Сама к тебе идет.

Я в ответ:

– Простите, Батюшка, я недостойна, – и начала плакать.

– Все-все-все. Матерь Божия Сама пришла к тебе, – благословил нас на веранде, где я кормила, иконой и опять пошел в дом.

Перед тем, как мне уже уходить, он нас еще раз благословил и сказал:

– Все надо терпеть и за все благодарить Бога.

Вышла я от Батюшки, а было это летом, иду домой и траву разглядываю: «Какая же зелень, оказывается, красивая!». То я ходила вся в борьбе, в помыслах: «Что дальше? Как этот ребенок будет расти? Как?.. Что?..». Все думала, переживала – ничего не видела. Топтала эту траву и не замечала, что за зелень вокруг, что за краса такая. А после того, как отец Виталий меня благословил, вдруг села на коленки и начала ее разглядывать… Я не шла домой, а летела – так мне вдруг стало легко.

Прошло много лет. Сергей окончил школу, после 9-го класса по благословению отца Виталия поступил в горный техникум – тут у нас недалеко. Я так довольна была, что 10-15 минут – и он уже дома.

Закончил Сережа техникум. Я поехала в Тбилиси, спрашиваю:

– Куда ему теперь поступать? Он окончил неплохо.

Мать Мария пришла и говорит:

– Отец Виталий благословляет его в семинарию – на батюшку.

Я возвращаюсь, рассказываю сыну:

– Сережа, мать Мария сказала, что отец Виталий благословляет тебя учиться на священника.

Он:

– Ой, мама, я вижу, как Батюшке достается, – неприятностей много. – Я, мам, не выдержу этого, я не буду.

Я отвечаю:

– Не знаю. Решай это с отцом Виталием сам.

Тогда он поехал в Тбилиси, а Батюшка опять сказал:

– Бог благословит тебя в семинарию. Учись на священника.

Сережа вернулся и говорит:

– Ну что, мам – надо в семинарию поступать, отец Виталий благословил.

И он поступил в Одесскую семинарию, закончил – и сейчас батюшка. А я часто думаю: что было бы, если я не попала б тогда к отцу Виталию?

Когда благодать Божия с человеком, тогда всякое явление в мире поражает душу своею непостижимою чудесностью, и душа от созерцания видимой красоты приходит в сознание чувства Бога, живого и дивного во всем.

Преподобный Силуан Афонский

Из писем схиархимандрита Виталия

Никогда не надо унывать, всех надо любить и прощать. Один старец умер, а другой молился и говорил в молитве так: Господи, прости того старца, а ежели нет, то вот мой тридцатилетний покаянный подвиг вмени ему, а я живу и буду каяться. А если мало сего, возьми мою душу и пошли в муки, а сего старца только спаси — он не виновен. Дух Святый сошел, прощены были грехи почившего, прощены грехи молившегося и лампада загорелась. Это из повести о горящей лампаде.

Из этого видно, как должно любить всех людей на свете, никогда ни думать, ни говорить нельзя, что один свой, а другие чужие. Все родные, один сопротивник чужой. Мы всегда с Вами в молитвенной памяти, хотя по болезни не можем посетить друг друга. Бог Вас всех простит, благословит и подаст Святого Духа.

Многие говорят: как спастись? Верить Богу надо, что Он спасет, и эта вера окрылит нас, когда мы в Православной Церкви святым Крещением отродились, а, сделавши грехи, имеем Таинство покаяния, которое паки возрождает, посылает мир, любовь, спасение, чего Вам всем молитвенно благожелаю о Христе Иисусе Господе нашем, Которому со Отцем и Животворящим Духом подобает слава, держава, честь и поклонение. Аминь.

Благослови Вас Господи и Богоматерь Своими Нетленными Десницами, утешая, покрывая, милуя, спасая, умудряя во спасение, украшая добродетелями! Не забывайте, что Ангелы-хранители окрест Вас, когда Вы смиряетесь, каетесь, усердствуете в добре, открываете помыслы, бдите, всех прощаете, любите, почитаете себя грешными, а всех достойными и святыми, тогда Ангелы Божии окрест Вас.

Христианам о христианстве

из бесед с Кавказским пустынником

БЕСЕДА ОБ ИСПОВЕДИ

Вопрос: Как правильно исповедоваться?

Ответ: Для того чтобы принести покаяние, нужно **осознать** свой грех. Тогда мы сможем в нем раскаяться и освободиться от него. А с чем это связано? Мы должны вникать и в Священное Писание, и в учение святых отцов – т.е. изучать духовную науку по святоотеческому учению, а уже потом, познавая свою немощь, свои страсти, свои грехи, идти на исповедь.

Что надо сказать на исповеди? **Суть** греха: в чем он заключается – это первое. А второе – нужно постичь, от чего произошел грех, какова его причина? И третье – какие совершенный грех повлек (или мог повлечь) последствия, каяться также и в них.

Вопрос: Называть ли тех лиц, которые были соучастниками совершенного греха?

Ответ: Имен ни в коем случае не называть, а можно только назвать сан и степень. Т.е. если, например, исповедают блудные грехи, то говорят: родственница или чужая, замужняя или девица та, с которой согрешил, – т.е. степень. Об этом, думаю, многие уже знают. А в повседневных грехах – допустим, согрешил: раздражился на послушника, что-то ему с раздражением сказал, или раздражился на иеромонаха…

Вопрос: В этом есть разница?

Ответ: Это совершенно разные вещи, потому что одно дело – ты оскорбил равного себе, а другое – ты оскорбил священника, тем более епископа. Так что грех один и тот же, но тяжесть его различная, следовательно, и наказания следуют уже другие.

Вопрос: А в какой обстановке проходил грех, это имеет значение?

Ответ: Да, иногда тоже имеет. Допустим, одно дело, если мы разгневались и спорили или делали кому-то выговор в храме, а другое дело – в келье или на улице. И одно дело, если мы этот скандал завели в присутствии прихожан, туристов, либо где-то наедине, на задворках. Это тоже имеет значение, потому что **последствия греха различные**. Соблазн для туристов и прихожан очень велик. Они скажут: «Ого!

Какие монахи (или рабы Божии) здесь живут!..» Так что это тоже очень существенный момент, который также нужно указать на исповеди.

Вопрос: А всегда ли нужно описывать обстоятельства, при которых был совершен грех? Например: «Я пошел туда-то, а такой-то увидел, и подумал, наверное, это, и сказал мне то-то… а я подумал совсем другое, и ответил то-то… а тот раздражился и крикнул на меня, а я не выдержал и тоже крикнул… а там подошел кто-то еще, подлил масла в огонь и у нас получился скандал… и т.д., и т.п.…» Вот такое подробное описание – нужно оно или нет?

Ответ: В некоторых ситуациях бывает нужно, чтобы показать тяжесть совершенного греха. Но, в общем-то, такая подробность бывает нужна только тогда, когда мы исповедуемся часто у постоянного духовника. А если исповедуемся раз в месяц, и тем более, если на исповеди стоит несколько десятков людей, тогда, конечно, никто такую исповедь слушать не будет. Это нужно исповедывать уже своему духовнику по возможности где-то наедине. Мы должны показать только историю развития страсти: «Смущение, потом раздражение, потом ярость, потом гнев, потом мстительность… выход из себя, такое, что не знаю, что бы ему сделал… я бы его убил, растерзал на куски…»[1] Вот эти степени греха нужно открывать, а рассказывать на исповеди целые истории не стоит.

Вот недавно пришлось беседовать с одной женщиной. И, прежде чем сказать, в чем она согрешила, она рассказывала, наверное, около получаса, как это получилось: «Приехали соседи, одна там смотрела, а я потом сказала про соседку, а она мне потом сказала, я обратно этой сказала, а эта этой сказала...». Говорила, говорила…, а потом спрашивает: «Ну, в чем же мне каяться?» И начинаешь ей объяснять, в чем же ей каяться…

Действительно, мы не понимаем нашего греха. Потому что не вникаем в святоотеческое учение и не применяем его в жизни. А если будем читать более внимательно и применять его на деле, то мы увидим грех в его **развитии**, в его **укоренении**, и в его **последствиях**, которые он приносит нам и нашим ближним. А потому каждый должен заниматься конкретно над собой. Сказано: «Внемли себе и учению», – т.е. мы должны внимать тому, что мы читаем: какие мы есть

[1] Здесь нужно нам самим учиться наблюдать историю развития своей болезни, чтобы познавать развитие страсти. (Примеч. автора)

на самом деле и какие мы должны быть, и почему мы согрешаем так или эдак. И каждую страсть надо раскопать и искоренить – а иначе мы от них никогда не избавимся.

Вопрос: Если произошел какой-то грех, скажем, скандал, то совершается ли таинство исповеди, если не будут описаны подробные обстоятельства, а только степени греха? Например: «Смущение, осуждение, раздражение, гнев, скандал».

Ответ: В том, что совершается таинство исповеди, сомневаться абсолютно не приходится, лишь бы человек искренно раскаялся в совершенном грехе и показал его тяжесть. Открыл искренно, без лицемерного «затирания» каких-то граней.

Священнику нужно понять тяжесть совершенного греха, чтобы он знал, какой тяжести грех он отпускает. А нам нужно понять стадии развития греха, почему мы согрешили, и какие последствия из этого вышли, чтобы покаяться в нашем грехе и в тех последствиях, которые пошли за ним. Конечно, мы их, эти последствия, знаем далеко не все, но должны чувствовать, что всегда каждый наш грех имеет последствия.

Вопрос: А что такое «затирание граней»?

Ответ: Это самооправдание. Когда мы говорим, например: «Я раздражился на него, потому что он уже заранее пришел нервный – кто-то его расстроил. Он меня «ковырял», «ковырял» и вывел из себя. А я сначала был такой мирный, хороший, а он пришел и вот... Это он такой-сякой!» – все, мы оправдали себя.

Или же по стыду – в основном это касается блудных грехов. Что-то стыдно произнести, и мы как бы так вскользь промямлили что-то, скомкали, вроде бы сказали и успокаиваем себя тем, что мы исповедали этот грех. Но на самом деле были намерены его скрыть.

Или же когда перед кем-то исповедываемся – перед духовником или даже просто священником – и боимся, чтобы он не подумал о нас как-то унизительно; не потерять бы авторитет в его глазах...

Вопрос: А можно ли в храме перед священником, который не является нашим духовником, исповедаться кратко, а для того, чтобы получить исцеление в каком-то грехе, оставлять это же самое (только в более подробном виде) для того человека, которому доверяешь, который следит за твоей духовной жизнью?

Ответ: В общем-то, конечно, можно. Если мы, например, приехали куда-то в другой город и нужно причаститься.

Но если придется внедрить в практику такой метод исповеди, то надо следить, чтобы не было лукавства. Потому что начнется: «Я этому батюшке исповедаюсь кое-как, а подробно буду потом». Или еще так: одни грехи одному батюшке, а другие грехи – другому.

Вопрос: Желательно для большей наглядности показать на примере, как «раскапывать» корни греха? Что такое «стадии развития»?

Грехи, как грецкие орехи, – скорлупу расколешь, а зерно выковырять трудно.

Вопрос: «Что значит искренно исповедоваться?»

Ответ: «Ничего не скрывать, говорить прямо, не округлять»

Преподобный Амвросий Оптинский

Ответ: Возьмем, к примеру, тщеславие и гордость. Почему мы ими увлекаемся? Потому что хотим показаться сами себе и другим хорошими. А почему мы хотим показаться хорошими? Потому что мы любим сласть, т.е. хотим воспринимать только приятное. Телесные наслаждения – это одно, а здесь – сластолюбие духовное: чтобы нас хвалили, чтобы о нас было хорошее мнение... А это, в свою очередь, с чем связано? С тем, что мы глубоко внутри (почти подсознательно) осознаем себя нехорошими, неприятными, ничтожными, можно сказать даже гнусными пред самими собой и пред Богом. Образно говоря, это подобно тому, как если бы нас обнаженных втолкнули вдруг в общество людей: мы прикрываем свою наготу, срамоту. Вот так и здесь: осознавая себя в глубине души негодными, мерзкими, гнусными, мы стремимся как-то «выправить» положение и начинаем выискивать способы заглушить это чувство своей негодности, ничтожества, окаянства и непотребства. Т.е., фактически, мы не хотим себя осознавать такими, какие мы есть а, следовательно, и смириться с тем, что соответственно с этим к нам будут относиться и наши ближние. Вот для того, чтобы показаться лучшими, чем мы есть на самом деле, и ищем похвалы. Чтобы нам было приятно на душе, и мы забыли бы, какие мы есть, и думали, что все хорошо и волноваться нечего, надеваем на себя маску и играем какую-либо роль.

А дальше что? Когда нас хвалят, мы удовлетворяемся: «Ага, все хорошо! Значит, я вот такой...». Если же нас не похвалили, мы впадаем в раздражение: «Как?! Я то, и то, и то сделал! А мне даже спасибо не сказали!.. Я вот то и то сделал, а он, вон, смотри, какую неблагодарность проявил! Я ему!..» Уже развивается раздражение, гнев, после гнева и раздражения – мстительность, после мстительности – ненависть, и доходит до страсти убийства, как сказано: «Всяк, ненавидяй брата своего, человекоубийца есть» (1Ин. 3, 15).

Или же вторая ветвь: похвалили нас – мы надмились. Еще раз похвалили – еще больше надмились. Уже развивается гордость, появляется чувство своей гожести, своего достоинства, своего «я»: «У меня вот такие таланты, у меня вот такие способности: я и то могу сделать, и то могу, и то...», – в общем, идет самохвальство. А самохвальство – друг самодовольства. Со временем оно уже укореняется, и, таким образом, на чувстве гожести нарастает каменная ступенька самодовольства. И вот, это «голодное» самодовольство вдруг встречает вторую страсть: «Меня не так похвалили, как другого (или другую)... Хм!.. Как?! Что он сделал, что его так похвалили? Я вон сколько тружусь, сколько работаю! У-ух он такой!..» – уже зарождается недовольство, развивается ревность. Эта ревность, если повторится раз, два, три, развивается в соперничество, соревнование: «Если я делаю, меня должны похвалить, а если его похвалили – так как же так?!» Развивается зависть. Это тяжелая душевная болезнь. Когда она укоренится глубже, человек уже идет на разные преступления: на клевету, ложь, на обман и т.п. с той целью, что «нужно утоптать этого врага, который стоит выше меня в славе, почете, уважении пред заинтересованным лицом». Зависть утверждается. А о ней сказано: «Кто приобрел зависть, тот приобрел диавола».

Неоднократно приходилось встречаться с такими примерами: во-

допустим, к кому-то мы заходим чаще, а другой человек ревнует, что «заходит к тем, а не к нам!» И потом или прямо говорит, или через кого-то: «Да вы скажите им, что она колдунья! Зачем они в тот дом ходят, она же такая злая колдунья, ее все боятся! Она и того испортила, и того испортила… Скажите, пусть туда больше не заходят – там пропадут! Она такая злая колдунья: сделает все, что захочет!» И все – только «развесь уши», поверь и прими. Клевета, подозрение в колдовстве – это сейчас повальная эпидемия, не только в женских обществах, но и в мужских тоже. И с этим надо бороться.

Вот приблизительно так мы должны рассматривать корни и стадии развития греха.

Вопрос: Чем отличается исповедь от покаяния?

Ответ: Покаяние – это есть глубокое чувство сердца, которое мы изливаем пред Богом в своей келейной, домашней молитве. Мы каемся пред Богом: плачем, сокрушаемся, постимся, исправляемся, делаем дела противоположные прошлым греховным склонностям и т.д. Т.е. **покаяние** – это **дело** нашей жизни. А **исповедь** – это когда мы, осознав себя грешными, покаявшись пред Богом в молитвах, идем на исповедь, и прикладывается к нашему, так сказать, «судебному делу» «**печать**». Т.е. что наказание за наш грех несет Христос, Он берет наш грех на Себя, а мы освобождаемся от этой казни, которую мы заслужили своим грехом. Почему священник и говорит: «Аз же точию свидетель есмь», – т.е. священник – свидетель, что наш грех Христос берет на Себя, и мы тем самым оправдываемся. И, будучи уже избавлены от праведного суда Божия, идем причащаться. Вот такая разница между исповедью и покаянием.

Вопрос: Нужно ли вести список грехов, т.е. записывать сразу, чтобы потом перед исповедью не забыть?

Ответ: Для того чтобы помнить о грехах, весьма полезно хотя бы раз в день делать их запись. Но на этом не останавливаться. Грехи нужно оплакать, вымолить у Господа прощение и потом уже идти на исповедь к священнику.

Вопрос: А как быть, если не записывал грехи от исповеди до исповеди, и теперь не знаешь, что говорить?

Ответ: Помолиться: «Господи, дай мне память исповедания грехов моих!» – чтобы Господь или Ангел хранитель напомнил нам, в чем мы согрешили. И приносить покаяние уже и в самом том, что мы пребываем в таком нерадении и безпечности, что даже не внимаем своим грехам. Покаяться конкретно в этом, попросить у Господа прощения – больше нам ничего не остается.

Вопрос: Что значит «чистая исповедь»?

Ответ: Понятие «чистая исповедь» употребляется в двух значениях. Первое – это генеральная исповедь: когда мы исповедуем грехи, которые помним с раннего детства до настоящего момента. А вообще «чистая» исповедь – это когда мы ничего не утаиваем, т.е. все, в чем нас совесть обличает, исповедуем без утайки, без «задней» какой-то мысли, что «это будет стыдно… батюшка может подумать что-то такое… если я это исповедаю, то меня снимут с послушания… если исповедаю, то не отпустят меня куда-то…» – и т.д. под разными предлогами начинаем лукавить.

В житии преподобной Феодоры читаем, что «духи злые, писавшие все ее грехи, не находили в своих записях тех, в которых она исповедовалась пред священником». Ангелы объяснили ей, что ни в книги жизни, ни в (мысленных) записях духов злых, – словом, нигде не числится тот грех, в котором человек искренно покаялся и получил разрешение по чину исповеди

Вопрос: Что такое исповедь помыслов?

Ответ: Исповедь помыслов – это, фактически, стадии развития греха. Такую исповедь может делать человек, который уже научился раскапывать корни грехов – он тогда замечает и ответвления греха.

К примеру, получилась у нас какая-то скандальная ситуация с нашим ближним. И вот мы каемся: «Я ему сказал: «Ах, ты, такой-сякой, пошел вон!», – и сам крутнулся и пошел. Но у меня потом были помыслы, я хотел ему то-то сделать», – допустим, испортить машину – шину проколоть или там еще какую-нибудь пакость подстроить. Следовательно, уже есть мстительность, хотя мы только сказали грубое слово. Но на самом деле эта мстительность есть у нас в душе, только не получила развития в деле.

Таким образом, мы должны более подробно вскрывать тяжесть нашего греха, указывать, какие ответвления его были у нас. Есть множество разнообразных греховных вариаций, которые предлагает нам диавол для того, чтобы мы совершили тот или иной грех. И если мы склонились хоть немножко, хоть на минутку, следовательно, у нас уже есть сочувствие к этому греху, и в этом мы должны каяться.

Например: «У меня во время трапезы были такие и такие помыслы. Того осуждал, что много ест, а сам насыпал себе в тарелку и объелся. И еще хотел то-то взять, но только постеснялся и не взял потому, что не допустило тщеславие – посмотрел на меня батюшка, и у меня помысел: «Вот, на меня подумают, что я такой чревоугодник», – и я потому не съел это. А если бы никого не было, я, конечно, слопал бы всю тарелку без остатка…», – т.е. мы раскрываем глубину нашего греха. Вот это и есть исповедание помыслов. Ведь судимся мы не за грех, совершенный делом, а за грех, к которому мы имели сочувствие и соизволение – мы бы его сделали, только не позволили те или иные обстоятельства.

Еще мы можем познавать свою греховность на молитве. Какие помыслы приходят к нам в это время? Вот, предположим, пришел тщеславный помысел: «Как хорошо ты молишься! Если бы видели, что ты плачешь, как было бы приятно!..» И все – наша молитва и плач уже осквернены страстью тщеславия, самомнения, гордости и т.п. Или приходят к нам помыслы чревоугодия: «Быстрей бы все это закончить да пойти кушать! А то что же? Надо быстрее – там остынет, невкусно будет!» В это время уже проявляется наше сластолюбие, чревоугодие и т.д. А тем более, если мы исполняем это на деле.

Бывает, что пришел помысел и испытывает нас, наше уклонение. Если мы будем внимательны, то уже по этим временным прилеплениям, при-

ходящим диавольским прилогам, можно определять, что в нас есть та или иная страсть. Сочувствие проявляется, значит, уже есть склонность к этой страсти. В этом мы должны каяться на исповеди помыслов.

Вопрос: Как происходит пленение суетными помыслами во время молитвы?

Ответ: Мы не верим, что Господь управляет миром, и нами в частности, и всеми нашими обстоятельствами. Нам не нужно заботиться о деле, мы должны молиться, беседовать с Богом, а потом, заканчивая молитву: «Господи, вразуми, что я должен делать? И как я должен сделать это конкретное дело?» И начинаем это дело делать.

А если мы пленяемся помыслами, то во-первых, это неверие. А во-вторых, проявляется самонадеянность: «Я сделаю это дело вот так и так. А еще лучше, если я сделаю вот так. А если вот так – совсем хорошо: похвалят меня, будет мне поощрение, будет то-то и то-то, отпустят меня туда, куда мне хочется…», – и т.д. И идет развитие греха, бесовское мечтание. Значит, в этом нужно каяться. И еще в том, что не имеем страха Божия, что, начиная беседовать с Богом, мы кончаем беседой с диаволом.

Вопрос: Как это так?

Ответ: Потому что приходящие прилоги – это есть слова бесов, которые стоят рядом и нам говорят. Душа их чувствует, но мы воспринимаем их, как свои, а, фактически, они не наши, а диавольские. И, начиная беседовать с ними, мы начинаем беседовать с диаволом.

Вопрос: Каковы способы искоренения греховных страстей в нашем сердце, в частности, гордости, тщеславия, зависти?

Ответ: Когда мы раскопаем эти греховные корни и ощутим в чувстве сердца, что, действительно, мы пред Богом и пред самими собой ничтожны, гнусны, мерзки, непотребны, надо **не бояться на этом остановиться, нужно как бы сесть и созерцать самого себя**: «Вот какой я есть на самом деле. Как же Господь меня только терпит?! И промышляет, и еще столько благ подает, и заботится, устрояет мое спасение! А действительно-то перед Богом я вот такой гнусный, что достоин только ада и полного отвержения». **Не бояться** пребыть в этом чувстве, но и держать надежду на Бога, потому что иначе нельзя устоять. Как сказано старцу Силуану: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся».

И если мы пребудем в этом чувстве своего негожества, окаянства, непотребства пред Богом, пред самим собой и пред людьми, мы действительно смиримся, познав свое непотребство. И тогда не надо будет нам прикрывать своей наготы, своего ничтожества, мы будем себя чувствовать такими, какие мы есть на самом деле. Если нас укорят, мы скажем: «Да, я еще несравненно хуже, чем ты думаешь». Если нас обидят: «Да, действительно, если я достоин вечного осуждения и отвержения от Бога, то какого осуждения и отвержения я не достоин пред человеками?» Если нас постигнет болезнь, мы примем ее благодушно, скажем: «Да, если я достоин вечной муки и страдания, следовательно, я и временного несравненно больше заслуживаю». Это и есть начало смирения. «Смиренномудрие» – т.е. и мир, и мудрость. И с его помощью мы переносим всякие неприятности благодушно. А если нет у нас этого глубокого осознания своего ничтожества, окаянства, непотребства, тогда идет все противоположное – развитие целой цепи греха.

Вопрос: А как сердцем осознать, что ты достоин ада? Представлять образно, как ты сковородку языком лижешь? Встречались уже такие случаи – потом бесы посмеялись, и все.

Ответ: Чувство – оно необъяснимо, но можно все-таки указать метод его приобретения. Самый простой – это когда мы осознаем свой какой-либо большой грех. Любой тяжкий грех, совершенный нами, уже имеет своим основанием наше глубокое внутреннее падение. Мы сделали оскорбительное пред Богом, приятное диаволу. Мы уподобились диаволу, мы стали его сообщниками, следовательно, и унаследовали его осуждение, потому что диавол уже осужден, а мы, сотворив ему подобное, как бы само собой подпадаем под его осуждение. Диавол отлучен от Бога, следовательно, и мы отлучены от Бога. И вот постигает нас отступление благодати Божией: тягота, уныние. И все это как бы сворачивается в один ком и нас давит. А мы: «Да, Господи, действительно, если еще сейчас на земле я так страдаю, так чувствую себя плохо без Тебя, так каково же это чувство будет там? Это же будет вечно! Я ж думаю, что еще как-то избавлюсь сейчас от него, а там уже избавления не будет. Но я все-таки этого достоин. Действительно, праведен суд Твой, Господи. Ты меня справедливо отринул от Себя!» И мы находимся в этом чувстве, **не желая от него избавиться, а вкушая эту горечь богооставленности, тяготу отлучения от Бога**: «Правильно, так мне и надо, окаянному! Избрал я уподобление диаволу, хотел наслаждаться, а теперь плоды моих наслаждений, вот к чему они меня привели». И в этом чувстве пребывать, укоряя свою душу.[2] Выходить из этого состояния следует тогда, когда душа уже придет к пределу, когда мы чувствуем, что за этим пределом последует уже что-то непонятное и, может быть, страшное. Тогда нужно выйти надеждой на милость Божию, что если продолжается жизнь, значит, продолжается и наше спасение. Все дело в чувстве: чем больше мы будем входить в него – в это чувство праведного гнева Божия и нашей отлученности от Бога – тем более душа будет смиряться и признавать себя достойной всяких страданий, болезней, мучений, тяготы и прочих напастей. Конечно, все это нужно сопровождать молитвою. И прежде всего помолиться, чтоб Господь дал таковое чувство, чтобы Он научил, как в нем пребывать и как действительно смирить свою душу, потому что именно в этом заключено все наше спасение.

---

[2] Но надеясь на милость Божию, на то, что грех всего мира взял Христос – следовательно, и наш грех Он взял и вознес на Древо. Поэтому нам отчаиваться окончательно не приходится. Если жизнь наша продолжается, значит, видит Господь, что мы можем покаяться и исправиться. (Примеч. автора).

СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ ЛИПЕЦКОЙ

Священномученик Петр (Зверев)

Всяк убо иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, иже на Небесех. Не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих убити: убойтеся же паче Могущаго и душу и тело погубити в геенне *(Мф. 10, 32 и 28)*.

Новомученик Петр (в миру Василий Константинович Зверев) родился 18 февраля 1878 года в Москве. Отец его Константин был приходским священником.

У священника Константина Зверева и жены его Анны было четверо детей: три сына – Арсений, Кассиан, Василий и дочь Варвара. Наклонности Василия определились рано: мать рассказывала, что совсем маленьким ребенком он любил играть в церковную службу. Да и сам владыка вспоминал, что в их приходской храм он всегда ходил вместе с отцом, торопясь к началу богослужения.

Тогда же, в раннем детстве, увидел он во сне Спасителя. Об этом архиепископ Петр позже рассказывал так: «Я был очень толстый, взрослые любили меня тискать, а я этого терпеть не мог, отбивался от них руками и ногами. И вот вижу сон. Сидит за столом Спаситель в синей и красной одежде и держит меня на руках. А под столом – страшная собака. Спаситель берет мою руку, протягивает под стол собаке со словами: «Ешь ее, она дерется» Я проснулся и с тех пор никогда уже не дрался, а стал расти, во всем стараясь сдерживать себя, не сердиться и не делать ничего дурного.

Василий Зверев окончил гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета, а в 1899 году перешел в Казанскую Духовную академию. В 1900 году, двадцати двух лет от роду, он принял монашеский постриг, был наречен Петром и рукоположен в сан иеромонаха. В 1902 году окончил академию со степенью кандидата богословия.

По окончании академии иеромонах Петр назначается преподавателем в Орловскую Духовную семинарию, в 1903 году переводится в Князь-Владимирскую церковь при Московском епархиальном доме с определением на должность епархиального миссионера. В 1907 году иеромонах Петр становится инспектором Новгородской Духовной семинарии.

В июне 1909 года он назначается настоятелем Белевского Спасо-Преображенского монастыря Тульской епархии. 8 августа 1910 года епископ Парфений (Левицкий) возвел настоятеля Спасо-Преображенского монастыря иеромонаха Петра в сан архимандрита.

Священномученик Петр (Зверев), архиепископ Воронежский и Задонский

Белевский монастырь находился недалеко от Оптиной пустыни. Пользуясь близостью к обители, архимандрит Петр проводил многие часы в беседах с оптинскими старцами, которые высоко ценили настоятеля и нередко направляли к нему богомольцев для духовного руководства.

Бывая в Сарове и Дивееве, отец Петр не упускал случая навестить знаменитую блаженную Прасковью Ивановну. Как рассказывали ее келейные, «сидел у ее ножек», и она выказывала ему свое расположение. Паша Саровская выполняла ежедневное послушание – вязала чулки или делала пряжу, сопровождая свое рукоделие внутренней Иисусовой молитвой. Эта пряжа особо ценилась в Серафимо-Дивеевской обители – из нее изготавливали пояски и четки. Однажды блаженная подарила будущему владыке Петру холст своей работы, из которого он впоследствии сшил себе архиерейское облачение и хранил его на собственное погребение.

В 1916 году архимандрит Петр служил священником в действующей армии, а затем, после Февральской революции 1917 года, был назначен настоятелем Тверского Свято-Успенского Желтикова монастыря. В Твери архимандрита Петра впервые арестовали как заложника, но вскоре выпустили на свободу.

В феврале 1919 года, на праздник Сретения Господня он был хиротонисан в Москве Святителем Тихоном во епископа и назначен епископом Балахнинским, викарием Нижегородской епархии, в помощь правящему архиерею архиепископу Евдокиму. Епископу Петру исполнился в то время сорок один год.

Сразу же после хиротонии владыка приехал в Нижний Новгород и поселился в Печерском монастыре на берегу Волги. Монастырь находился в упадке, братия была малочисленна, древний собор в честь Успения Божией Матери пришел в запустение. Стены и потолок его почернели от копоти. Владыка пригласил народ помочь в уборке храма, сам первый влез на лестницу и промыл часть потолка.

Епископ Петр привез с собой нескольких монахов и сразу ввел уставное богослужение. В малые праздники всенощная продолжалась пять часов, по воскресеньям – шесть, а в двунадесятые праздники – семь часов: с пяти вечера до двенадцати ночи. Случалось, что всенощная длилась и всю ночь, тогда владыка при-

влекал к службе всех усердствующих прихожан, поскольку никакие певчие не могли столь долго петь на клиросе. Во время всенощной он всегда стоял на настоятельском месте против иконы Печерской Божией Матери и часто сам читал Шестопсалмие.

Святитель Петр был высоким худощавым блондином, волосы носил очень длинные, никогда не подстригал, борода у него была рыжеватая, глаза ясные, голубые. Он обладал очень сильным голосом и прекрасной дикцией, каждое его слово ясно разносилось по всему храму.

Владыка служил неспешно, кадил по церкви неторопливо, так что успевали пропеть полиелейные псалмы полностью. В будние дни, если позволяло время, святитель служил раннюю литургию в домовой церкви. Каждый праздник владыка после литургии говорил проповедь. Несмотря на продолжительность службы и самое простое пение, церковь всегда была полна народу.

Владыка очень строго придерживался церковного устава, служил по афонскому чину. Акафистов за всенощной он никогда не читал, но зато требовал, чтобы полностью вычитывались кафизмы. Однажды его пригласили служить всенощную, во время которой были выпущены почти все кафизмы. По окончании службы владыка подозвал настоятеля и сказал ему: «Почему ты не любишь царя Давида? Люби царя Давида».

Без каких бы то ни было сокращений святитель служил и панихиды. Знавшие его вспоминали, что владыка неоднократно повторял: «Кто отслужит по мне такую панихиду?» Несколько часов, без сокращений, шло у него и отпевание. Владыка говорил своему келейнику отцу Иннокентию: «Во всем твой Петр грешен, только устава никогда не нарушал».

Нижегородцы полюбили святителя, увидели в нем настоящего духовного наставника и пошли за ним. Но такая слава не понравилась архиепископу Нижегородскому Евдокиму, и епископ Петр был переведен в Канавино.

В мае 1921 года его арестовали во второй раз. Проживая в Канавине, он нередко служил в расположенном неподалеку Сормове, где находились военные предприятия. Рабочие сормовских заводов полюбили святителя, как это случалось везде, где он служил. Арест епископа вызвал трехдневную забастовку, и местные власти пообещали его выпустить, но вместо этого отправили в Москву.

Сначала владыку поместили на Лубянку, где он оказался в одной камере с каким-то моряком. Епископ Петр вспоминал, что вынужденное безделье было томительным, они много беседовали – владыка и в камере

Могила священномученика Петра у алтаря храма Анзерского скита до обретения мощей

не переставал проповедовать. В конце концов епископ снял с себя крест и надел на матроса. Вообще, пока он находился в заключении, ему не успевали посылать кресты: святитель Петр обращал людей к вере, снимал с себя крест и надевал на обращенного. Как-то раз он сказал: «Я хотел бы открыть им и показать свое сердце, как страдания очищают душу».

С Лубянки владыка был переведен в Бутырскую тюрьму, где пробыл некоторое время, а оттуда попал в Таганскую тюрьму. С плачем прощались со святителем заключенные, при переводе из Бутырок провожать его вышли даже надзиратели. «Я вспомнил,– говорил владыка,– прощание апостола Павла».

В Таганской тюрьме в это время находились в заключении двенадцать архиереев и много простого духовенства. Их духовные чада передавали в тюрьму просфоры и облачения, и архиереи прямо в камере совершали соборную службу. В Таганской тюрьме владыка Петр заболел от истощения и попал в больницу. В конце июля 1921 года он был отправлен по этапу в Петроград, где оставался в заключении до зимы.

В декабре, на Анастасию Узорешительницу, епископ Петр был освобожден и сразу вернулся в Москву. Всенощную и обедню на Рождество Христово владыка служил в Марфо-Мариинской обители, а второй день праздника – в храме Христа Спасителя.

Вскоре после этого он получил новое назначение – епископом Старицким, викарием Тверской епархии. Владыка поселился в Желтиковом монастыре, где прежде был настоятелем. С радостью встретили его жители Твери, которые хорошо помнили святителя.

23 февраля 1922 года вышел декрет советской власти об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих Поволжья. 18 марта епископ Петр в своем обращении к пастве призывал верующих Тверской епархии «жертвовать из церковного достояния на святое дело все, что не является существенно необходимым для совершения богослужения...»

Одновременно в обращении к духовенству владыка призывал «не только не агитировать против проведения в жизнь этого декрета, но и твердым словом убеждения прекращать всякую попытку злостных агитаторов против изъятия церковных ценностей на нужды голодающих».

Летом 1922 года раскольники-обновленцы при поддержке советских властей принялись за разрушение Церкви. Было выпущено воззвание, в котором некоторые иерархи признали законность власти обновленческого ВЦУ (Высшего церковного совета).

19 сентября 1922 года епископ Петр обратился к Тверской пастве с воззванием, в котором изъяснял сущность обновленческого движения и отношение к нему Православной Церкви.

За это обращение к пастве владыку арестовали и в ноябре 1922 года доставили в Москву. На допросе он показал, что признает Патриарха Тихона главой Русской Православной Церкви, а решениям самозванного обновленческого совета ВЦУ не подчиняется. В уже знакомых ему тюрь-

мах – Бутырской и Таганской епископ Петр провел всю зиму, а в марте 1923 года был отправлен по этапу в Ташкент. Из Ташкента святитель Петр был сослан в Перовск (Кзыл-Орду). Жил он там в тяжелых условиях, болел цингой, в результате чего лишился зубов.

Летом 1923 года был освобожден из заключения Патриарх Тихон. Он подал властям список архиереев, без которых не мог управлять Церковью. В их числе был и епископ Петр. Летом 1924 года он вернулся из ссылки в Москву.

В июле 1925 года владыку направили в Воронеж, в помощь восьмидесятисемилетнему митрополиту Владимиру (Шимковичу). Своим тихим, ласковым словом, проникновенной теплотой и вниманием к людям архипастырь согревал сердца всех приходящих к нему.

В конце ноября святитель Петр был вызван в Москву, на Лубянку, где его в течение нескольких дней допрашивал сам Е. А. Тучков – начальник VI «противоцерковного» управления ГПУ. Митрополит Владимир тем временем медленно угасал. 21 декабря он в последний раз был в церкви и в канун Рождества Христова мирно отошел ко Господу. Известие о его кончине епископ Петр получил в Москве.

Вернувшись в Воронеж, владыка Петр отпел усопшего архипастыря, и 10 января 1926 года он был похоронен в крипте нижней церкви Алексеевского монастыря.

12 января уполномоченные православных приходов Воронежской епархии направили епископу Петру обращение с просьбой занять архиепископскую кафедру, на что тот ответил согласием.

В Москве заместитель Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола митрополит Сергий назначил епископа Петра на Воронежскую кафедру с возведением его в сан архиепископа.

Во время приезда в 1925 году епископа Петра в Воронеж, еще при жизни митрополита Владимира, обновленцы пытались захватить Покровско-Преображенскую церковь бывшего Девичьего монастыря; верующие отправили председателя церковного совета в Москву, к Председателю Президиума Верховного Совета Калинину. Храм удалось отстоять.

7 ноября 1926 года владыка служил в Покровской церкви. Очевидцы вспоминали, что верующих там было не меньше, чем людей на праздничной демонстрации, проходившей в это же время по центральной площади Воронежа. Такое торжество Православия вызывало возмущение обновленцев и недовольство властей.

Место захоронения Священномученика Петра после обретения мощей

Вызовы архиепископа Петра в ГПУ следовали один за другим, но даже сотрудники этого учреждения, сами того не желая, попадали под влияние владыки. По словам очевидцев, входя в комнату, святитель отыскивал глазами икону; не найдя таковой, крестился на правый угол, делал поясной поклон и лишь после этого начинал разговор со следователем. Служащие при его появлении невольно обнажали головы, даже если предварительно сговаривались не делать этого.

Однажды, во время Успенского поста, владыка был вызван на допрос в отделение милиции, которое располагалось неподалеку от его квартиры. Он направился туда сразу после службы, и все богомольцы, бывшие в храме, молча пошли следом. Огромная толпа не расходилась, терпеливо ожидая своего пастыря на улице во время допроса, покуда не была разогнана конной милицией.

В последний раз владыка Петр служил в Воронеже 28 ноября 1926 года. Вероятно, предчувствуя разлуку, он был очень грустен. Утром 29 ноября его арестовали. Весть об этом разнеслась по городу, многие кинулись к зданию ГПУ. Вечером владыку тайно отправили в Москву.

Архиепископ Петр был осужден 26 марта 1927 года на десять лет лагерей «за контрреволюционную деятельность против советской власти». Поздней весной священномученик после тюрьмы, этапов и Кемского пересыльного лагеря оказался на Соловках, где находилось в заключении много архиереев, духовенства и монашествующих. Сюда же был доставлен и архимандрит Иннокентий (Беда), настоятель Воронежского Алексеевского монастыря, давний друг и ближайший помощник владыки.

Архиепископа Петра поместили в 6-ю роту IV отделения Соловецкого лагеря, затем перевели в 4-ю роту. И здесь владыка соблюдал молитвенное правило, жил по церковному уставу, стремился по мере сил помогать ссыльным, поддерживать нуждающихся.

Сперва лагерное начальство проявляло относительную мягкость к заключенным. Ссыльным священнослужителям разрешалось посещать кладбищенскую церковь во имя преподобного Онуфрия (за пределами монастырских стен). Архиепископ старался бывать на всех службах, на всенощной всегда читал Шестопсалмие.

Первая же зима на Соловках принесла владыке горькую потерю. 24 декабря (6 января 1928 года) скончался архимандрит Иннокентий. Святитель Петр исполнил последний долг и торжественно, с хором, отпел духовного брата в Онуфриевской церкви в присутствии не менее тридцати человек духовенства, при громадной толпе сочувствующих заключенных.

Летом 1928 года ссыльный епископат в знак особого уважения избрал владыку Петра главой Соловецкого православного духовенства.

Нравственная высота святителя Петра была такова, что даже с метлой в руках, в роли дворника или сторожа, он внушал благоговейное уважение. Грубые и наглые вохровцы, привыкшие издеваться над заключенными, при встрече не только уступали ему дорогу, но и приветствовали его, на что он отвечал, под-

нимая руку и осеняя их крестным знамением. Начальники, завидев его, отворачивались – достойное спокойствие архипастыря пронимало их, вызывало раздражение и досаду. Святитель Петр медленно шествовал мимо смущенного начальства, слегка опираясь на посох и не склоняя головы. На фоне древних монастырских стен его фигура казалась пророческим видением: пастырь словно покидал землю, на которой утвердилось торжествующее насилие.

В октябре 1928 года владыка Петр был отправлен на остров Анзер, в VI отделение Соловецкого лагеря, за то, что крестил в Святом озере заключенную-эстонку.

В анзерской командировке святитель работал счетоводом. Он писал, что в этом уединенном месте, где почти нет людей, чувствует себя пустынником. Здесь владыка составил акафист преподобному Герману Соловецкому.

В конце 1928 года священномученик заболел тифом и в январскую стужу 1929 года был доставлен под конвоем в Голгофо-Распятский скит. Когда в Соловецком лагере свирепствовал тиф, на Голгофе анзерской открыли госпиталь. Со всех Соловков свозили сюда больных – но не лечить, а умирать.

Владыку Петра положили в палату, которая размещалась у алтаря церкви в честь Распятия Господня. Он проболел две недели, и даже казалось, что кризис миновал, но владыка был очень слаб и совсем не принимал пищи.

В день кончины архипастыря его духовному сыну, лежавшему в той же палате, было видение: в четыре часа утра он услышал шум, словно влетела стая птиц, открыл глаза и увидел святую великомученицу Варвару со многими девами. Она подошла к постели владыки и причастила его Святых Таин. Вечером священномученик несколько раз написал на стене карандашом: «Жить я больше не хочу, меня Господь к Себе призывает». В последний раз написал «не» – и рука его упала.

Соловецкий монастырь.
Место упокоения священномученика Петра

Новомученик скончался 25 января 1929 года, в день памяти иконы Царицы Небесной «Утоли моя печали». Тропарь этой иконе всегда пелся на службах владыки: «Утоли болезни многовоздыхающия души моея, Утолившая всяку слезу от лица земли: Ты бо человеков болезни отгоняеши и грешных скорби разрешавши. Тебе бо вси стяжахом надежду и утверждение, Пресвятая Мати Дево».

Первоначально владыку похоронили в общей могиле, куда опускали, по приказанию начальства, всех погибших от тифа. Однако заключенные решили перезахоронить святителя в отдельной могиле. Похороны совершались на пятый день после кончины новомученика.

Монахиня Арсения, присутствовавшая при этом, рассказывала: «Открыли общую могилу. Все умершие лежали черные, а владыка лежит... в рубашечке, со сложенными на груди руками, белый, как кипельный... Три священника на простыне подняли его из могилы, расчесали волосы, отерли лицо и начали прямо на земле облачать...»

Один из этих священников, архимандрит Феодосий (Алмазов) вспоминал: «Плюнув на все запретительные меры начальства, торжественно облачили владыку в монашескую мантию и клобук, одели омофор, пояс, дали в руки крест, четки, Евангелие и громко совершили отпевание. Собралось до двадцати человек... Произнесли речи, опустили священные останки в могилу, водрузили крест...»

Другой священник позже рассказывал, что когда засыпали уже могилу, над ней появился столп света, и в нем владыка, и он всех благословил. Уже тогда бывшие при погребении понимали, что хоронят священномученика.

17 июня 1999 года были обретены честные мощи новомученика Петра (Зверева). В августе 2000 года на Юбилейном Архиерейском Соборе архиепископ Петр был прославлен для общецерковного почитания в лике новомучеников и исповедников Российских XX века. Мощи священномученика Петра почивают в Филипповском храме Соловецкого монастыря.

Память священномученика Петра совершается 25 января (7 февраля н.ст.) и 4 июня (17 июня н.ст.) – обретение мощей.

Тропарь, глас 4:

Верою пламенною апостолу Петру подобяся, таже и трикратным слышанием воззвания Христова, душу твою за Того положил еси, святителю отче Петре, камению твердый церкве православныя: светильниче во мраце беззаконий добродетельми сияй, радостию страдания за Христа претерпети изволил еси, со исповедники и страстотерпцы Российскими. Молися с ними о нас, архиерею Божий, священномучениче Соловецкий.

Кондак, глас 8:

Во святительстве твоем добре подвизался еси, богомудре, и мученичества венцем светло украсился еси, прещения врагов Христовых не устрашився, кровьми твоими землю во отоце Анзерстем освятил еси: сего ради силы небесныя удивившася терпению твоему, мы же с верою и любовию притекаем ко святым мощем твоим, досточудне. Ныне со всеми Соловецкими святыми моли о нас Христа Бога, всеблаженне Петре, да зовем ти: Радуйся, отче приснопамятне.

По материалам журнала «РУССКИЙ ПАЛОМНИК», № 11 и 12, 1995

Нагорная проповедь

Заповеди блаженства

в изречениях и делах святых отцев живших в IV и V веках

"Блажени кротцыи: яко тии наследят землю" (Мф. 5, 5)

(Продолжение, начало см. в № 22-24)

1. Авва Пимен говорил: если будешь молчалив, то найдешь покой везде, где бы ты ни жил.

Один брат, живущий с другими братьями, спросил Авву Виссариона: что мне делать? Старец отвечал ему: молчи и не меряйся с другими.

Брат спросил Авву Матоя: дай мне наставление. Авва Матой между другими наставлениями сказал ему: если кто будет говорить о каком-либо деле, не спорь с ним; ежели он говорит хорошо, скажи: так; а ежели не хорошо, то скажи: сам знаешь, что говоришь. Не спорь с ним о том, о чем он говорит.

Авва Пимен спросил Авву Нистероя: как он приобрел такую силу, что какая бы напасть ни случилась в монастыре, всегда молчал и не вмешивался в дела. Авва отвечал: прости мне, Авва! – в самом начале, когда пришел в эту Киновию, сказал самому себе: подражай ослу. Как осел терпит побои и не говорит, слышит брань и ничего не отвечает: так делай и ты, как говорит Псалом: *скотен бых у Тебе, и аз выну с Тобою* (Пс. 72, 22).

2. Авва Пимен говорил: невоин Христов тот, кто жалуется на жребий свой.

Один брат спросил Авву Пимена: как должно мне жить? Старец между другими наставлениями сказал ему: надобно везде, где бы ни случилось быть тебе, подавлять в себе недовольство.

Брат пришел к Авве Пимену и спрашивает его: что мне делать? Пойди, сказал ему старец, сблизься с тем, который говорит: чего более желать мне? И найдешь покой.

1) Будь тих, молчалив, уступчив;
2) будь доволен своим жребием, и
3) послушлив.

Помни, что за кротость Господь обещает наследие, по выражению Псалмопевца, *на земли живых* (Пс. 26, 13) – там, где живут и не умирают, вечно радуются с Божественным Агнцем Иисусом Христом.

Авва Ор говорил: в каком бы искушении ни был ты, не жалуйся ни на кого, кроме себя, и говори: это случилось со мной по грехам моим.

3. Пришли однажды к великому Памво из скита четыре брата, одетые в кожу, и каждый из них рассказывал ему о добродетели другого. Один постился много, другой был нестяжателен, третий стяжал великую любовь, о четвертом они говорили, что он уже двадцать два года прожил в повиновении старцу. Авва Памво отвечал им: скажу вам, что выше всех добродетель последнего: каждый из вас по своей воле приобрел ту добродетель, которую имеет, а сей, отвергшись своей воли, исполняет волю другого. Такие люди подобны исповедникам, если они до самого конца пребудут в послушании.

Авва Сисой рассказывал: Авва Ор и Авва Аоре жили в большом согласии до самой смерти. Авва Аоре имел великое послушание; Авва Ор великое смирение. Провел я у них несколько дней, наблюдая за ними, и увидел я весьма чудное дело, которое сделал Авва Аоре. Кто-то принес им небольшую рыбу. Авве Аоре хотелось приготовить ее для старца; он разрезал ножом рыбу, как вдруг позвал его к себе Авва Ор. Аоре оставил нож в рыбе и не стал доразать остальное. Я подивился его великому послушанию, почему он не сказал: подожди немного, пока я разрежу рыбу. Я спросил его: Авва Аоре! Откуда ты приобрел такое послушание? Это не мое, – отвечал он, – а старца. Потом он взял меня и сказал: пойди, посмотри, каково его послушание. Он сварил немного рыбы и, нарочно испортив варево, подал его старцу. Старец ел, не говоря ни слова. Аоре спросил его: хорошо ли, старец? Весьма хорошо, – отвечал Авва Ор. Потом Авва Аоре принес ему несколько рыбы весьма хорошо приготовленной, и сказал ему: испортил я, старец! Да, – отвечал он, – немного испортил. Тогда сказал мне Авва Аоре: видишь ли каково послушание старца? После сего я ушел от них, и по силам моим старался исполнять, что видел у них.

"Блажени алчущии и жаждущии правды: яко тии насытятся" (Мф. 5, 6)

Авва Григорий говорил: от всякого человека, получившего крещение, Бог требует правой веры. Авва Епифаний говорил: если Мелхиседек, образ Христа, благословил Авраама, корень иудеев: тем более, сама Истина – Христос благословляет и освящает всех верующих в Него.

Авва Пимен говорил: в Писании сказано: *им же образом желает олень на источницы водные, сице желает душа моя к тебе, Боже!* (Пс. 41, 2). Олени в пустынях едят много змей, и потом, когда яд змеиный начнет жечь их, они быстро бегут к воде; и когда напьются, воспаление проходит. Так и монахов, живущих в пустыне, жжет яд злых демонов, и они с нетерпением ждут субботы и воскресения, чтобы идти на источники водные, т.е. приступить к Теду и Крови Господней, дабы очиститься от скверн лукавого.

Всегда имей сильное желание и заботу отобразить в себе Христа живой верой в Него, т.е. исполнением заповедей Его и в особенности безкровным причащением Тела и Крови Его, и молитвой об оправдании через Него.

Помни, что имеющим такое желание и заботу Господь обещает в здешней жизни внутреннее успокоение и приобретение сил к деланию добра, даруемых благодатью; в будущей же жизни полное удовлетворение души.

(Продолжение следует)

Паломники рассказывают

С крестом за Христом

(рассказ старой монахини)
часть 5

«Глухонемая». Сумасшедший дом.
Тюрьма. Паечки.
Как Господь помогал.
Четки. Молитва

Вернулась я из Сибири, пожила немного, а там снова дали два года тюрьмы. Это произошло уже после моего приезда в Почаев.

Работала я тогда в обители Преподобного. Вот подходит какой-то праздник, и как обычно от Троицкой церкви пойдут по порожкам схимники. А там снегу много навалило, им трудно будет – они же старенькие. Я думаю: пойду, расчищу порожки. А тут милиция идет. Меня, как безпаспортную и забрали.

Когда второй раз судили, я молчала. Как раз Великий пост подходил – мне отец духовный дал благословение на весь пост: «Молчи, ни с кем не разговаривай». И тут меня забрали. Ну, раз «ни с кем не разговаривай» – я молчу и все. Они придут – я молчу.

Они на меня дело сочинили так: спрашивают, спрашивают, я слова не говорила, а они уже толстую книжку написали. А если б я еще разговаривала, они б там, наверно, несколько томов составили. Ищут, ищут против меня – никак.

А потом кто-то все же предал: нашли крышку от посылки. Я, когда работала в своем городе, еще до Сибири, одному дедушке высылала соду – он от изжоги страдал, а в Почаеве соды не было. Следователь поехал в мой город и нашел хозяйку, у которой я жила на квартире. Она хотела, чтобы меня освободили, не выдала: «Когда я, – говорит, – потом приезжала в Почаев, она уже такая была. Мы с ней вместе в сарае ночевали. Она уже со мной не разговаривала». А перед этим в Киеве лава вышла из Бабьего яра: комсомольцы этого района пошли закрывать Киево-Печерскую Лавру, вывозить мощи из Печер, и массив, где были активисты, которые в этом деле участвовали, прорвало – лава все потопила.

Следователь все это разузнал, вернулся и говорит: «Она стала немая». Ну и написали: «Глухонемая». Говорят: «Подожди, мы тебя повезем в сумасшедший дом – там тебе дадут!» Привезли меня в Винницу – я не разговариваю. Пришел главный врач, а я тогда еще не знала, кто он. Прочитал: «Глухонемая». Взял ручку, бумагу и стал кричать – вдруг я услышу: «Ты, может, что-нибудь напишешь?» А это происходило уже после Пасхи – мне ж было благословлено молчать только в Великий пост. И я тогда в ответ тоже закричала: «Может, ты скажешь, сколько у тебя людей погибло?» Он чуть не упал. Написано ведь: «Глухая, немая и ничуть не разговаривает», – а тут!.. Он оторопел: «…Да я не знаю». Поговорили мы. Что ему было писать? Я ж молчать перестала. Он говорит: «Я тоже в Почаеве был и «Помилуй мя, Боже» знаю».

Тут больные подбежали и жалуются: «Они нас бьют, бьют – эти врачи!» Я говорю: «Зачем вы их бьете? Вы иконки тут повесьте, кресты на них наденьте – они будут смирные, вам с ними легче станет». А тогда за веру сильное гонение было. Главврач отвечает: «Ну… Это ведь не разрешается».

Вот делает он обход – сунет мне под подушку то банку литровую, то еще что-нибудь. Я ведь только хлебушек ем. А, знаете: не так дорога пища, а хоть ласково он относился – и то дело. Я тогда спросила: «Кто он такой?» Мне отвечают: «Он самый главный врач». Потом, когда меня выпустили, одна рассказала про него: был регентом, потом начал учиться на врача, а в церковь все равно ходил, веровал.

Медсестры мне говорят: «Мы тебе принесем картошки толченой без ничего». Принесли большую миску, я взяла ее: копаю, копаю, копаю. Нашла шкварку сала. Они смехом залились. Мне хоть кушать и хочется, а отдала им все назад. «Ну, ладно, – говорят, – мы тебе завтра печеной принесем». Но видно крепко верующих среди дежурных не было – таких, как тот врач. Он нашел, как принести: замотал, да и сунул под подушку – кто туда полезет? А медсестры полную тарелку на виду у всех несут – больные и расхватали, опять мне ничего недосталось…

Сначала я год в Черниговской тюрьме сидела. Там была одна начальница украинка – сильно добрая.

Преподобный Иов Почаевский

Ни в карцер меня не сажала, ни на работу не гоняла. Наверно, верующая. Когда меня привезли, она перед этим пришла – а барак был на шестьдесят человек – и всех предупредила: «Она придет, будет спать вот тут. Это ее койка. Она монашка: кто ей слово против скажет – сразу в карцер сажаю», – это они уже после мне рассказали.

Меня привели. Начальница объясняет: «Вот это будет твое место». Все так настороженно-испуганно смотрят, ничего мне не говорят: ведь если что скажут, начальница сразу в карцер посадит.

Как-то раз ее не было, а одна активистка взяла меня за шкирку и на работу потащила. А там для тех, кто не работает, есть доска тунеядцев, и поставили меня под ней. Та, которая меня забрала, говорит остальным: «Пока я ее сюда довела, она меня всю исщипала». А я тише воды была. Это

она сама меня всю дорогу щипала, пока мы шли.

Начальница приходит, как глянула, что я под этой доской сижу, кулаком – по столу и говорит:

– Кто вам дал право ее сюда поставить?! Кто это сделал?! Какое вы имели право? Без моего разрешения?

И больше меня не трогали. Целый год я там сидела.

Потом нас из Чернигова привезли в Тернополь. Посадили меня на шесть месяцев в бур – в карцер – за то, что я отказалась от работы.

Там наказывали за малейшую провинность. Раз одну из нашего барака туда привели. Спрашиваю:

– За что тебя посадили?

– Да я хотела после десяти сетки повязать, а они меня сюда.

А там кулечки клеили, сетки вязали, на торты коробки делали. Приводят еще одну нашу.

– Ну, а тебя за что?

– Утром в шесть часов мне хочется кушать. Я хотела взять с собой пол-литровую баночку супу, а они меня – в карцер.

Однажды приходит начальник и говорит мне:

– Я видел во сне, будто заставлял тебя работать, а ты три раза перекрестилась: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь». И говоришь: «Вот моя работа. А вашу работу выполнять я не буду». Ты так и не передумала?

– Нет-нет, – говорю. – Вот как Вы видели – такая моя работа, а для вашей у меня и часу нет.

– А что же ты делаешь? – видит, что книг у меня нет.

– Начальник, я пока всех соберу, живых и мертвых, живых за здравие помяну, а покойников за упокой – и день прошел.

Он тогда дверью хлопнул:

– Ну, – говорит, – собирай!

Раз одна из начальниц говорит: «Вот отправлю тебя в бур на шесть месяцев! На стакан воды и 150 грамм хлеба в день!» Она только отошла в другую камеру, а Степанида – у нее тетка в Киеве была игуменией – меня утешает: «Не верь ей. У нас одна сидела шесть месяцев – она вытерпела. И ты вытерпишь». Так Господь ей положил на сердце мне сказать для укрепления. А я ей отвечаю: «Что Бог даст».

Раз в два дня нам давали по небольшому половничку супу, а он на мясном бульоне. Я в то время уже в постриге была, думаю: «Буду есть один хлебушек». А его нам давали сначала только по маленькому кусочку: паечка была, может, грамм по двести, да к тому же мягкая. Если б сухарик – это еще полбеды.

Как-то уборщица разнесла нам эти паечки, а я заплакала: кушать-то хочется. Сегодня не досшь, завтра… Взмолилась: «Николай Угодничек, помоги! Если умирать нам, то поддержи: дай, чтобы вытерпеть». А Николай Угодничек – он всем помогает, ему и в тюрьме молятся.

И вот посадили к нам одну мирскую. Принесли эти кусочки, она как запустила хлеб в уборщицу: «Ты что мне принесла?! Ты думаешь, я не знаю, сколько здесь в карцер дают?! По 400 граммов хлеба, но не по 200!» Уборщица испугалась и говорит: «Да я ж не знаю! Мне дали, сказали: «Разнесите по камерам»». Она кому-то, видно, рассказала, и с этого дня нам по 400 грамм выдавали. Видно, святитель Николай услышал молитву.

А однажды поднялась такая буря, что даже машине нельзя было проехать, а хлеба оставалось немножко. Разрезали нам в этот день пайку пополам и принесли по кусочку, говорят: «За хлебом не поехали». А нам Господь послал. Там в туалет не выпускают: дают бак. Выносим мы его утром – дежурная камеру открыла, а сама еще не выходила. Мы только на улицу вышли – на снегу лежат две паечки хлеба. И следов нет.

Нары в карцере отмыкали только на ночь, а на день запирали. А пол-то сырой, цементный. Там стоял столбик и досочка, чтобы сесть. Я была смирная, и мне разрешили дать стул, а если кого еще сажали – те на доске.

В камере было очень холодно. Топили больше для вида. Днем отбирали все телогрейки, а на ночь отдавали. Я как делала? Принесут горячей воды, сниму носки, оплету ими чайник – носки нагреются. Бурки за день насыреют от цемента – кладу их на ночь вокруг лампочки. За ночь они не загорятся, а высохнуть успеют. Так Господь вразумлял.

Одно время сидела со мной арестованная с Харькова. Она тоже сначала ходила в церковь, а потом появился какой-то человек и увлек ее в секту.

И вот вижу я во сне: моя сестра вяжет четки. А я будто говорю: «Глянь, Зина мало молится, а четки знает, как вязать. А я не знаю». Встала и рассказала этот сон той, которая со мной сидела. Она говорит: «Я знаю, как четки вязать. Наверное, надо тебя научить», – она все надеялась, что в секту меня уведет.

Там сетки вязали, и я Степаниду попросила: «Принеси мне ниток – я буду четки учиться вязать». Она верующая была – принесла мне. Так я и научилась.

А потом была комиссия. Эта сектантка говорит: «Вы в церковь не ходите – нельзя в церковь ходить». А я им: «Вы не слушайте ее, вы поезжайте в Почаев – какие там чудеса: мертвые воскресают, больные исцеляются! Вы ее не слушайте». Сектантка тогда говорит: «Если б я знала, сроду не учила бы тебя четки вязать!»

Сначала в тюрьме все отбирали: крестик, четки. Я навязала 100 узелочков и так молилась. Со мной был платочек, приложенный к стопочке

Учись переносить приятное с благодарением, неприятное – с молитвой покаяния, все же вообще – с преданностью Богу и благодарением, повторяя: "Слава Богу за все!"

Во всем полагаться на Господа: в скорбях, болезнях искушениях; возрастать в сознании: все от Бога и Господь всем управляет и все ведет ко благу, к душевной пользе и спасению.

Схархимандрит Серафим (Романцев)

Матери Божией в Почаеве. Он долго у меня лежал и уже начал гнить. А я его высушила и из этого платочка сделала веревочку и крестик: мне дежурные разрешили иголку, нитку. Это во время карцера.

А когда судили, снова все отобрали. Одна там была – Галина – она сейчас уже умерла, Царство ей Небесное. К ней ходила дочка. Я сказала, что крест у меня отобрали – она мне принесла.

Молилась я в тюрьме по памяти. Я сейчас даже и забыла, какие молитвы тогда читала. После из тряпочки сделала сто узелочков и начала Иисусову творить. Ну, там утренние, какие наизусть знала, а потом Псалтирь читала по этим самодельным четкам. Сотку пройду, затем: «Слава: и ныне», «Аллилуиа...», – и так всю Псалтирь.

В Тернополе в карцере со мной сидела одна бесноватая. Сначала она попросилась от меня в другую камеру. Я не знала, от чего она ушла. Тогда не понимала какую силу Иисусова молитва имеет. В той камере, где я сидела, был цементный пол, а у нее ботинки тоненькие. Ну, я и подумала: она ушла потому, что там холодный пол. А там ведь деревянные нары были и не запирались. Она побыла немного в другой камере, а потом ее назад привели.

Как-то раз приснилась мне мама покойница. «Ты помогла бы Марии суп сварить», – говорит. А я проснулась и думаю: «Это она просит за какую-то Марию помолиться. Ну, я сейчас буду Псалтирь по четкам читать». А у самой в мыслях: «Ох, если б вот по книге! Вот я бы сейчас по Псалтири почитала, да кто мне даст?» Стала и молюсь.

А эта бесноватая вообще-то тихая была. Есть буйные, а эта сидит и не заметишь. Я начала молиться на восток. Она неожиданно говорит: «Ты куда молишься?! Ну-ка на дверь повернись и молись на дверь! Дверями к нам начальство ходит, пищу дают». А я говорю: «Да Бог нам дает», – и все молюсь, не перестаю. Вдруг она подошла – такая маленькая, щупленькая – и перервала мне четки. Эти – которые из узелочков. А я еще тогда молоденькая была, при здоровье – я б ее...! Ну, я смирилась и только. Опять сложила, не бросаю: молюсь, Иисусову молитву творю и поминаю эту Марию. Я думала, что какой-то там Марии плохо. Она тогда видит, что ничего не получилось – в дверь стучит:

– Дежурный! Дежурный!

Он открыл:

– Что ты?

– Ой, дежурный, выведи меня отсюда! Не могу – она какие-то молитвы читает, мне сильно тошно. Прям не могу! Лучше я пойду каналы копать. День и ночь буду каналы копать, но я с ней не буду! Когда я тот раз сидела с ней, и Вы меня потом выпустили, я целую неделю пластом лежала, глаз не открывала.

Значит, Иисусова молитва такая сильная, а я и не знала. Я думала, что лучше по Псалтири.

Уже когда я получила четки, по ним за маму сорокоуст прочитала – 40 Псалтирей. Ведь Иисусова молитва заменяет Псалтирь: 300 Иисусовых – кафизма. Когда кончишь – 40 раз «Господи, помилуй». А вместо молитвы в конце кафизмы – 100 раз «Господи, помилуй». Так я Псалтирь в тюрьме и читала...

Христианская поэзия

Град небесный

Я не стала лучше и добрей
Никогда не стать мне одесную...
По велицей милости Твоей,
Господи! Спаси меня такую...

Научи меня Твоей любви,
Не пройди, меня, гнушаясь, мимо!
И Твоею волею введи
В дивный горный мир Иерусалима.

Зинаида Окорочкова

* * *

Какой-то мрак и хлад
В душе моей таятся.
Быть может, это ад
Пытается ворваться?

Какой-то чудный свет
Порою осеняет.
И мрака больше нет,
И холод отступает.

Кругом добро и зло,
Душа — как поле битвы,
Но таинство молитвы
Опять меня спасло.

* * *

Да, мир сошел с ума. И, кажется, давно —
Не нужен никому Пророк из Назарета:
Больным глазам не надо много света —
Они не видят все равно.

Крадется кошкой ночь. По улицам пустым
Один идет Христос, стучась неслышно в двери.
Но разучились все любить и верить.
И все закрыто перед Ним.

А в храме хор лампад и свечи. Тишина.
Но ангелы в дверях напрасно ожидают.
Лишь Матерь Божья Сына умоляет
И плачет в алтаре одна...

* * *

Тихо выплачусь пред аналоем,
Наболевшую скорбь изолью.
Пусть Твое милосердье покроет
Исстрадавшую душу мою.

В храме Божьем распахнуты двери,
А внутри — нерушимая тишь.
Как же можно в Тебя не поверить,
Если Ты здесь незримо стоишь?!

Ольга Коновалова

ПО ПИСЬМАМ

Откуда в нас зло

Ответ на письмо ребенка

Дорогой Андрюшенька! Ты спрашиваешь в своем письме: «Почему дети с каждым годом становятся злее, и сердца их холодеют?»

Разговор на эту тему у нас с тобой, если ты не против, будет довольно долгий и серьезный.

Ты помнишь, Андрюша, что вначале Адам и Ева были невинны, безгрешны, имели чистую душу, зла в них не было. Но когда они согрешили, в них появились страсти, то есть дурные наклонности – недоверие Богу, гордость, зависть, раздражительность, нетерпеливость, жадность, чревоугодие, уныние, печаль, боязливость, лживость, разные нечистые мысли и желания… Теперь это все было уже внутри Адама и Евы. Раньше им легко было Бога слушаться и быть хорошими, а после грехопадения им уже стало нужно бороться с собой, то есть с тем злом, которое поселилось внутри.

Болезни иногда передаются по наследству, ты знаешь об этом, Андрюша. Так и повреждение людей грехом, испорченность стала передаваться по наследству. У Адама и Евы родились дети, потом появились внуки, правнуки, праправнуки… и все они рождались уже поврежденными, зараженными плохими наклонностями. Ребенок рождается, он еще ничем не согрешил, но душа его уже повреждена первородным грехом (так называется первый грех, совершенный Адамом и Евой). Испорченность первородным грехом продолжает передаваться **до сих пор** по наследству от родителей к детям. Ребеночка крестят. Врожденная испорченность, склонность к греху остается в нем и после крещения. Но только во время крещения снимается с него вина за первородный грех, и получает он силу победить свою испорченность, стать праведным и спасти душу. Эта сила называется благодатью Святого Духа, после крещения она начинает жить в душе ребенка.

Ребеночек растет. Если его папа и мама (или кто-то один из них) верующие и часто ходят в церковь, то они стараются его хорошо, правильно воспитывать.

Они часто водят его в храм Божий, на исповедь, на причастие, чтобы душа его очищалась и просвещалась.

Постепенно они учат своего мальчика или девочку, что жизнь нам дана, чтобы победить свою испорченность, очистить душу, чтобы научиться любить Бога и всех людей, даже врагов.

Тогда душа наша станет светлой, ангельской и вечно будет с Богом, святыми и ангелами жить в раю. Она будет вечно всех любить и вечно будет счастлива. В этом цель и смысл жизни. Родители учат своего ребенка понимать все это. Ребенок взрослеет. Под руководством родителей и духовного отца он начинает видеть в себе много плохого. Он начинает сознавать, что надо бороться с самим собой, точнее с плохим в себе. Наверное, Андрюша, ты тоже замечал в себе плохое и старался бороться с ним?

Самому бороться с грехом нелегко, без Божией помощи его не победить. Без молитвы, исповеди, причастия, без чтения Евангелия, Житий Святых, без советов опытных людей – победить грех невозможно.

Постепенно ребенок изучает науку **самопротивления**: его обижают, а он приучает себя не сердиться, а отвечать добром; ему не хочется другому человеку помогать, а он приучается преодолевать свою лень, самолюбие, усталость, неохоту; не хочется делиться с другими, а он учит себя не жадничать, быть щедрым и не иметь чрезмерной привязанности к деньгам и вещам.

Это сложная наука, дорогой Андрюша! Это наука из наук, главная наука в нашей жизни!

Со временем взрослый ребенок становится борцом, хорошим борцом, закаляется в нем сила воли, накапливается опыт, появляется умение сопротивляться греху. Он приобретает навык противостоять злу и побеждать зло молитвой, добротой, терпением, послушанием, мужеством, прибегая к церковным Таинствам.

Юноша становится взрослым человеком, теперь он уже сознательный христианин. Самостоятельно, без напоминаний папы и мамы, он старается жить с Богом, исполнять заповеди Божии, спасать душу. Если это мальчик и есть на то воля Божия, он может стать священником, чтобы помочь другим быть опытными воинами и победить грех. Но может он остаться и простым верующим мирянином.

Девушка же, став взрослой сознательной христианкой, сможет стать, например, хорошей верующей, благочестивой женой и матерью.

Возможно, кто-то из ставших взрослыми детей выберет и монашеский путь.

Но бывает и совсем по-другому. Если родители ребеночка не ходят в церковь, или ходят туда редко, то правильно воспитывать своего ребенка они не могут. В чем настоящий смысл жизни они не знают, и их ребенок не будет этого знать, родители не научат его.

Верить в Бога, ходить в храм, исповедоваться, причащаться, молиться и бороться с грехом научить ребенка они не смогут – сами ведь этого не умеют.

Непонятно им – зачем все это нужно. Не сознают, что надо и себя, и детей спасать от греха и вечной

муки. Их дитя растет. Вместе с ним растут и его страсти, ведь борьба с ними почти не ведется, или ведется неправильно.

Ребенок становится старше, самостоятельнее. Одновременно растет в нем гордость непослушание, своеволие, злость и т. д. Но он не понимает, что нужно с этим бороться. Ему хочется сказать плохое слово, это на самом деле не он хочет, а живущий в нем грех. Но ребенку кажется, что это его собственное желание и он ругается.

Грех тянет ребенка посмотреть плохой фильм или ударить, обидеть кого-либо, а ему кажется, что это его собственное желание. И он смотрит плохое, бьет, обижает.

Диавол внушает мальчику (или девочке) солгать, покурить или выпить спиртного, а он думает, что это его собственные мысли и желания. И он выполняет внушения диавола. Про Бога, рай и ад, ангелов и святых, про борьбу с грехом и диаволом ничего не знает бедный человек, беззащитный отрок или подросток.

Диавол затягивает неокрепшую душу растущего человека в трясину греха: через друзей, подружек, плохие компании, через дискотеки, телевизор, компьютерные игры… Сейчас диавол ведет страшное наступление по всем направлениям на наши души, особенно на души детей. И на мою душу, Андрюшенька, и на твою, и на души мамы, папы, сестры охотится этот изверг. Всюду он расставляет сети для уловления неокрепших и несмышленых душ.

Ребенок попадает в эти сети. Он начинает жить для удовлетворения своих греховных наслаждений и удовольствий. Он привыкает жить только для себя, становится самолюбивым эгоистом, гордым, злым, жестоким, жадным, развратным. Такой человек становится похож на злого духа.

Не знает он настоящей радости, по-настоящему радоваться не умеет. Настоящую радость ощущает душа, когда в ней мир, любовь к Богу, людям и ко всему окружающему, когда не тяготит душу грех, когда совесть чиста.

Разобраться в себе самом он не может, никак он не поймет, чего ему не хватает. Тогда он ищет все новых и новых, более разнообразных удовольствий и так всю жизнь мечется, себя и других мучает, только вот истинного счастья и покоя так и не находит. Ведь покой только в Боге, в общении с Ним.

Нельзя осуждать никого. И таких детишек нужно не осуждать, а жалеть. Не виноваты они, что родились в неверующей семье. Как жалко их! Гибнут их души. И в этой жизни они глубоко несчастны, и в будущей жизни они могут оказаться вечно несчастливыми. Только Господь имеет право осуждать, только Он точно знает, что скрывается в сердце каждого человека. Может быть, еще не пришло время, кто-то из этих ребят уверует во Христа и спасется. Но для этого сколько неудач им придется перенести в жизни, сколько бед и опасностей испытать, сколько ошибок придется совершить, сколько горя хлебнуть…

Любить и жалеть мы должны таких ребят, сострадать им, переживать за них и горячо молиться, дорогой Андрюшенька, чтобы Господь помиловал их и спас. И благодарить мы должны Господа за Его великую милость к нам, недостойным, за то, что подарил нам верующих мам, или бабушек, или пап, или тетушек, которые стараются с детства учить нас науке спасения, науке самопротивления.

Но диавол тянет нас к осуждению неверующих детей и взрослых, хочет чтобы мы озлобились и возненавидели их. А мы будем учиться, наоборот, не зло смотреть на людей, зная, что поступки людей бывают плохими, а сами люди созданы хорошими. Даже у самых закоренелых преступников часто глубоко в душе скрываются капельки добра. Ведь все мы созданы по образу Божиему, в каждом человеке есть способность верить в Бога, любить и творить добро. Просто пока эта способность по разным причинам не во всех раскрылась. Но мы должны надеяться, что во многих она еще раскроется – нужно молиться и терпеливо ждать.

Поэтому, Андрюша, всегда нужно отличать самого человека от его поступков. Плохие поступки любить не нужно и повторять их нельзя, а самого человека, который их совершает, нужно жалеть, любить и молиться за него, чтобы в этом человеке добро все же победило.

ИНОК ВАРСОНОФИЙ
(МЕЛЬНИКОВ)

Дети, вы не понимаете моего плача. Душа моя плачет о вас, что вы не знаете Бога, Который создал всю эту красоту. Душа моя знает Его, и всем вам я хочу этого знания, и поэтому скорблю и слезно молю Бога о вас, чтобы и вы познали Господа Духом Святым. Когда же познаете Господа, тогда уйдет желание смотреть на этот мир, но душа будет стремиться видеть славу Господню на небесах.

Я плачу о вас, детки. Глядя на вас, жалею вас и прошу Господа, чтобы хранил Он вас, чтобы познали вы Творца и Господа своего. Я смотрю на вас, и вот, вы похожи на отрока Христа, и хочу, чтобы вы не потеряли благодать Божию и не стали бы, когда вырастите, похожи на врага за плохие мысли. Я хочу, чтобы вы всегда были похожи на Сына Пречистой Матери Божией. Этого желает душа моя вам. Об этом я и молюсь. Мне жалко всех детей на земле, и потому я плачу за всех невинных детей и сирот. Я плачу, дети, за мир и сетую о всем народе Божием.

Детки мои возлюбленные, вы думайте о Боге всегда, что Он вас любит, и дал вам жизнь для того, чтобы вы вечно с Ним жили и наслаждались Его любовью.

Преподобный Силуан Афонский

Притча о блудном сыне

«Господи, пошли милость Твою на детей земли, которых Ты любишь, и дай им познать Тебя Духом Святым, и научи их славить Тебя».
Преподобный Силуан Афонский

На этой страничке мы знакомим вас с творчеством детей воскресной школы при Задонском мужском монастыре. Так выглядит в детском восприятии известная евангельская притча о блудном сыне.

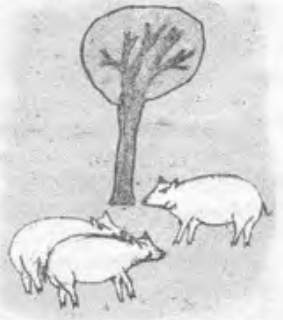
В одной стране жил богатый человек, у него было много денег и большое имение. И еще у него было два сына, один старший, другой младший.

Отец был стар и решил он разделить все свое имение между сыновьями. Прошло время, пришел к отцу младший сын и сказал ему: «Отец, я хочу получить имение свое сейчас». Отец отдал ему половину...

...Сын младший очень любил сладости. Он променял свое богатство на мешок денег. И чтобы его не ругали, он ушел далеко от дома. И пошел гулять. У него сразу появилось много друзей. Потом у него не осталось ни одной копейки, и друзья разбежались. У него не было ни дома, ни денег. Через несколько месяцев он был готов съесть рожки, которые ели свиньи, но их ему никто не давал.

Он бродил по городу и встретил человека, который послал его пасти хрюшек.

Но вот однажды сидя на лугу, он вспомнил про отца своего и про дом свой. И подумал – пойду я к отцу и попрошу прощение. И пошел он. Увидел его отец из окна и выбежал навстречу. Сын думал, что отец его убьет. Отец бросился к сыну на плечи и очень обрадовался. Сын попросил отца принять в число наемников. Но отец заколол самого лучшего теленка и был праздник. Когда старший сын приблизился к дому и услышал музыку, он спросил слугу: «Кто там веселится?» Слуга ответил, что пришел его брат. Старший брат обиделся на отца. Он сказал отцу, что, сколько я был у тебя, ты ни разу не дал мне с друзьями теленка, а ему заколол самого лучшего. Отец ответил, что младший сын вернулся, а не погиб.



Я думаю что прощение это прощение греха человеку, который его сотворил. Этот грех... Надо всем прощать, если не будешь прощать, то и тебя никто никогда не будет прощать.

Блудный сын растратил имение. Покаялся перед отцом и отец его простил. Отец его очень любил. Отец простил сына. Он могучий его. Любы простил. Притча показывает любовь отца к сыну и также Бога к нам.

Путь к счастью

Имеющие пищу и одеяние, сим довольны будем (1Тим. 6,8)

Встречаются люди, которые весь свой век мечтают и хлопочут о счастье, и однако никогда не достигают его, никогда не бывают удовлетворены вполне. А между тем счастье наше весьма близко к нам и путь к нему очень краток и прост для человека…Вот в чем он состоит. Был некто учитель, знаменитый своими знаниями, который давно уже и усердно молился Богу, чтобы Он показал ему человека, от которого бы мог узнать прямейший путь, удобно ведущий людей ко благу. Однажды, когда он молился усерднее обыкновенного, ему было повеление выйти из кельи к церковному преддверию. Вышел учитель и у дверей церковных он нашел нищего старца, покрытого язвами и ранами, в бедном рубище. Проходя мимо него, учитель сказал обычное приветствие. «Добрый день тебе!» А старец отвечал: «Не помню, чтобы для меня был какой-нибудь день недобрый». Учитель остановился, и как бы исправляя свое первое приветствие, промолвил: «Я желаю, чтобы Бог дал тебе счастье». А старец отвечал: «Я несчастливым никогда не бывал». Тогда учитель сказал еще: «Желаю тебе того, чего ты сам себе желаешь». «Я ни в чем не нуждаюсь, – говорил старец, – и имею все, что желаю». Учитель возразил: «Неужели ты один счастливец между людьми? Стало быть, несправедливы слова Иова: *человек рожден от жены малолетен, исполнь гнева* (пресыщен печалями, бедами) (Иов.14, 1)? Не понимаю, как один ты умел убежать несчастий?» – *Нежелание счастья составляет мое счастье, – говорил старец. – Я не забочусь о счастье и никогда не молюсь об этом Небесному Отцу и таким образом никогда не был и не нахожу себя несчастным.* Голоден ли я, – благодарю за то Бога. Холодно ли от непогоды, – также хвалю Бога. Смеются ли все надо мною, – равно хвалю Бога. Таким образом все: приятное и противное, сладкое и горькое принимая радостно, как от руки доброго отца, *желаю только того, чего хочет Бог* и как Ему угодно; потому все, что случается со мной, – случается уже как бы по моему желанию и согласно с ним; я забочусь лишь о том, чтобы хотеть того, чего хочет Бог и не желать того, чего Он не желает; а потому нисколько и никогда не считаю себя несчастливым». Удивился учитель ответам старца и понял ту истину, что *кратчайший путь для человека ко благу состоит в том, чтобы не искать и не стремиться ко благу и счастью самому по себе, а быть со всем согласным и всегда преданным в упованиях своих неисповедимым судьбам Божественного провидения.*

КОРМЧИЙ, «№ 2, 1902

Два мудреца

В древние времена в Греции, в царствование царя Дениса, жили два мудреца: Аристип и Диоген. Аристип жил при дворе и, чтобы пользоваться роскошной жизнью, был вынужден льстить и угождать царю. Диоген же был известен своею суровой жизнью. Он не имел даже своего жилища, а жил в пустой бочке за городом и питался кореньями.

Однажды Аристип увидел, как Диоген мыл овощи для своего обеда и, чтобы надсмеяться над ним, сказал:

– Если бы хоть изредка ты старался понравиться царю Денису, то не питался бы такой скудной пищей.

Диоген спокойно ответил ему:

– А если бы ты смог довольствоваться такой пищей, тебе не пришлось бы льстить и угождать царю Денису.

И.И. ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ «ИСТОЧНИК ИСЦЕЛЕНИЯ», М.:2001

Просьба не использовать газету в хозяйственных целях

Просим имеющих возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание альманаха «Задонский паломник». Деньги высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Желающим можем высылать альманах «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои заявки на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14, Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55

выходит с 2000 г. *Тираж 990 экз.*